

СМЕНА

2

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

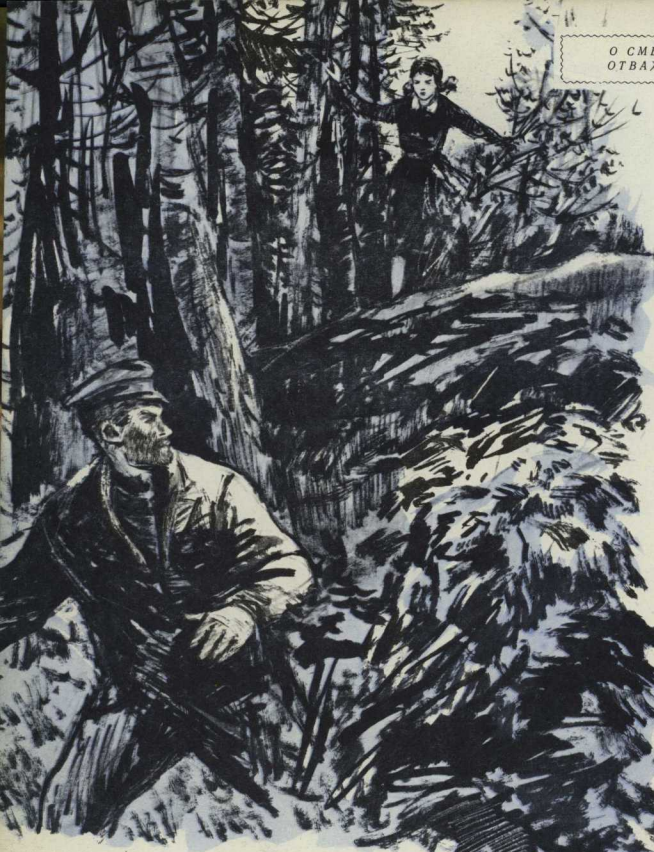

Рисунок В. Каменского.

**Встреча
в лесу**

...Ему казалось, что главная опасность уже миновала. Государственная граница Советского Союза, которую он пересек несколько часов тому назад, была позади. Он осмотрел свой помпидей, во многих местах залепленный болотной жижей и смолкой кустов и остался доволен. Лповые сапоги с толстыми деревянными шпильками на подошвах,

пиджак из грубой ткани — все делало его похожим на обычного лесоруба.

Он вытаскил из потайного кармана карту и сверил ее с местностью. Все было так, как надо: слева сквозня ветви деревьев поблескивало небольшое озеро, справа темнела скала. Нарушитель взял курс на юго-восток, где, по его данным, проходила шоссе-ная дорога.

Неожиданно до его слуха донеслись английские слова. Раздвинув ветви молодых сосенок, он увидел на лесном пригорье, освещенном утренним солнцем, девушку в учебном ватнике в руках. Протяжно, настойчиво повторила она английские фразы. На плечах ее лежали две юбки, на коричневом платье был зашнурован белый воротничок.

— Школьница! — прошептал прищелк и поплотился. Но под его сапогом хрустнул сучок. Девушка приподняла голову и простохоту спросила:

— Вы чего это подглядываете, дядя?

— Ну, что ты, улыбкуешь он. — Попить у тебя хотел попросить.

— Воды у нас сколько угодно. Кругом ручьи, озера.

— Да, видишь ли, надоела мне лесная вода. Торфом пахнет! — Он подошел и сол рядом с ней. — Вот погода я тут проработал у вас в лесхозе, но не по мне, видно, лесные места. Хочу подняться в степи, на целину. Там теплее, главное дело. Наверно, ты тоже об этом подумываешь?

— Подумаю, — закрыл книгу, отетила девушку.

— Тороплюсь я, милан. Принеси мне колодезную водичку.

— Пойдете и на. Тут совсем рядом. — Девушка показала на домини, обшитый тесом и выкрашенный в темно-красный цвет. Большие наливчики оном были хорошо видны сквозь листву деревьев.

— Нет, лучше уж принеси воды сюда. Устал я сильно.

Девушка легко поднялась и вприпрыжку побегала к дому. Ей почему-то показался этот человек чужим, не своим. «Нам же это ему не приходилось пить воду из колодезя», — размышляла она, — если в каждом лесхозе есть колодезь? Пограничники не раз говорили в школе, что нужно быть бдительными. Поразному враги маскируются. Вот, может быть, он и пришел отсюда! Но что делать? Мамы нет дома. Она еще до рассвета ушла на работу, на железнодорожный переезд Забегу и Райне, она хоть маленькая, но добротный по поселка, а оттуда позвонит пограничникам.

На счастье, Райна оказалась недалеко. Она сидела у тропинки и плела венки из лесных цветов.

— Рая! — позвала девушка. — Сейчас же лети в поселок, скажи там, что к нашему дому пришел нарушитель границы.

Бросив цветы, Рая кинулась со всех ног к поселку.

Почерту из ушах кошкин воды, девушка побегала на лесную пригород. Но чужого человека здесь уне не было. Она увидела примытую сапогами траву. Это был его след, он вел к шоссе-ной дороге.

Сухие сосновые шишки и иголки босые ноги, ветви кустарников хватили за платье, но девушка бежала по темным пятнам примытой травы и мха, боясь потерять след. Вот показались в просвете деревьев спина чужого человека.

— Почему же вы ушли? — крикнула она. — Я воды вам принесла! Пойдете!

Он обернулся. Лицо его было исцанено злобой.

— Вернись, дева! — грозно предупредил он.

Но в это время совсем рядом, где-то за кустом, прогрехотали по дороге грузовики. Чужой человек упал на траву. Девушка томе опустилась на землю и не знала, что предпринять. Потом она вскричала и побегала к дороге. Подняв руки навстречу идущему грузовику, она что было мочи крикнула:

— Остановитесь! Помогите!

Шофер резко затормозил, и из кузова выпрыгнули парни. Девушка сказала:

— Нарушитель здесь, за кустами.

Диверсант бросился было обратно в лес, однако долго бежать ему не пришлось: дорогу преградили солдаты в зеленых бураках. Нарушитель границы подлял руки...

А спустя некоторое время в лесной поселок приехал полковник пограничных войск. В школе в присутствии учителей и учеников отважной комсомолки Марии Борзой была вручена медаль за отличие в охране государственной границы СССР.

Майор М. АБРАМОВ

Фото Г. Ворисова и Е. Копыта.

ПРАЗДНИК ЮНОСТИ И МИРА

Фестивали! Искрящийся праздник радости, друимы, мира. Осталось немногим менее полутора до того дня, когда взойдут в Москве его красочные стяги. В крепком дружеском пожатии сомкнутся руки юношей и девушек многих стран земного шара, и еще сильнее прозвучит на разных языках горячий призыв молодежи «За мир и дружбу!».

В нашей стране приближение VI Всемирного фестиваля молодежи чувствуется повсюду: на далекой сибирской новостройке, в совхозе, созданном на целинных просторах, на шахтах и предприятиях, в институтах и школах. Юноши и девушки деятельно готовятся к своему празднику, стремятся озабочивать его не только разучиванием песен, танцев, игр, но и успехами в труде. Каждый хочет преподнести Родине подарок: шахтер — дать больше угля, металлург — чугуна и стали, труженник полей — хлеба... Комсомольцы благоустраивают улицы и общественные здания в городах и селах, создают новые спортплощадки, выращивают цветы, озеленяют скверы, разводят голубей.

Уже прошли во многих областях и районах молодежные фестивали. Сколько талантливых певцов, танцоров, художников, спортсменов выявили они! Какой яркой демонстрацией одаренности нашей молодежи, ее силы и творческой энергии явились эти праздники — первые преддествия VI Всемирного фестиваля!

На снимках: районный фестиваль молодежи в г. Бар, Винницкой области. Более пяти тысяч человек участвовало в нем. Работницы швейной фабрики пришли на фестиваль в красочных костюмах (снимок сверху).

Учащиеся 551-й мосновской школы обязались вырастить к открытию VI Всемирного фестиваля сто голубей. Как видим мы на снимке справа, школьники свое обязательство стараются выполнить.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального комитета ВЛКСМ. Январь. № 2. 1957 год.

Год
издания
34-й

ГОД СПУСТЯ

У ДОМЕНЩИКОВ СЕДЬМОЯ
МАГНИТОГОРСКОЙ ПЕЧИ

Дмитрий Картев.
Отлично трудится горновое его бригады

Профессор Баки был заметен и замолван. В его движениях и энергичных жестках чувствовалось терпение человека, который, встретив нечто необычное, спешит поскорей узнать об этом как можно больше. Волнение профессора было тем более заметным, что люди, сопровождавшие его, — и начальники цеха, и мастера, и инженеры технологической группы — сохраняли обычное спокойствие и даже с некоторым удивлением наблюдали за гостем.

Чуть пригнув глаза, Баки внимательно всматривался в ленты приборов, показывавшие ход седьмой домённой печи, изучал суточный рапорт и записи в журнале. Снова и снова подкидывал к пачке, к приборам, даже трогал их руками и торжественно записывал цифру за цифрой: температуру горячего дутья, давление колосникового газа, расход воздуха... Он заглядывал в глазок каждой фурмы и удовлетворенно кивал головой, по характеру горения

определял состояние печи. Профессор осматривал новые сопла, электропущу, торжественно возвращался в газовую будку, на ходу вытирал платком раскрасневшееся, потное лицо.

— Невероятно... невероятно... повторял Баки. — Ничего подобного я еще не видел... Мне говорили, — обратился он к начальнику цеха, — что на ваших печах среди горновых есть инженеры...

Зудин улыбнулся: — Да, это так. Более того, они работают даже помощниками горновых.

— Простите, не слишком ли это... я хочу сказать, оправдывает ли себя такая практика?

— Вполне, — твердо сказал Зудин. — Инженера, только что окончившего институт, мы никогда не ставим сразу мастером. Полезнее для самого инженера начинать снизу, с канав.

— Да, да, все это очень интересно, очень интересно...

Профессор задавал десятки вопросов — о стойкости сопел, системах загрузки, качестве сырья

и агломерата — и аккуратно вносил в блокнот ответы начальника цеха. Он умолял переводчика излагать ответы по возможности точнее и несколько раз высказал сожаление по поводу того, что так и не собрался выучить русский язык.

Известный немецкий металлург профессор Баки, которому довелось побывать на всех крупнейших заводах Европы, не мог не признать, что седьмая домённая работала превосходно. Он видел печи Германии и Швеции, Англии и Франции — современные мощные печи, оснащенные новейшим оборудованием. На них работали квалифицированные и опытные мастера, постигшие, как говорят, всю премудрость искусства управления процессом плавки. Но если бы кто-нибудь на родине профессора рассказал ему, каких результатов добились на своих печах домёнщики Магнитки, он только рассмеялся бы и, конечно, не постеснялся высказать свои соображения относительно пагубного влияния на некоторые умы неблизкого барона Мюнхгаузена...

— Невероятно! Но... — Баки пожал плечами: — Я вижу это своими глазами... Превосходная работа. Это высший класс, да, да!

2

В те дни, когда профессор Баки знакомился с работой магнитогорских печей, седьмая домённая была ведущей в цехе. Прошло несколько месяцев, и время показало, что коллектив комсомольско-молодежной печи сумел хорошо использовать резервы производства.

Сейчас уже подводятся первые итоги, и у многих домёнщиков возникает вопрос: почему именно седьмая стала ведущей, почему на седьмой самые высокие показатели? Ведь никто не создавал там особых условий. Тот же агломерат, и руда та же, и кокс... В последнее время агломерата было даже меньше, чем на других печах.

А ведь год назад седьмая печка ничем особенным не отличалась от других. Некоторые из них работали даже лучше и ровнее. И чугуна на эти печи давали больше, и качество его было выше, и кокса расходовали меньше.

Последний год пятой пятилетки седьмая, как и большинство печей цеха, закончила хорошо: мартовны получили шестнадцать тысяч тонн сверхпланового чугуна. Однако начало нового, пятнадцатого года оказалось неудачным. Кто-то метко сказал, что в новый год дома вошла, споткнувшись о порог... В самом конце декабря сильно расстроился ход ее, и восстановить нормальный режим не удалось даже в январе. И хуже всего было, пожалуй, то, что мастера при этом провалили какую-то растерянность. Правда, было сделано все, чтобы ввести печь в нормальный режим, но ход выравнивался очень медленно. Может быть, потому-то, принимая социальные обязательства на год, молодые домёнщики были столь осторожны, что многие в цехе спрашивали, не собираются ли они посвятить исправлению хода печи если не всю свою жизнь, то уж двадцать месяцев во всяком случае...

Накануне XX съезда партии, ознакомившись с проектом Директивы по шестому пятилетнему плану, который намечал резкое увеличение выплавки чугуна, коллектив печи пересмотрел свои обязательства.

В начале минувшего года в «Смене» уже рассказывалось о том, как домёнщики седьмой комсомольско-молодежной печи, трезво оценив свои возможности, поставили перед собой новые, более трудные задачи. Они решили досрочно выполнить задания первого года шестой пятилетки и дать сверх плана восемь тысяч тонн чугуна, отравлять мартовны только доброты, не собираются ни в коем случае опустить металл, а ведь уменьшать простои печи, сократить расход кокса...

Да, никто не создавал седьмой печи особых условий. Дело было в людях, управлявших механизмами, работавших на горне, на загрузке или стоживших у пульта управления воздухоулавливателями.

На горне седьмой печи, у чуговой литей, у канав трудятся крепкие парни, отлично знающие свое дело, — горновое Дмитрий Картев, Василий Сергеевич, Иван Жилин, Петр Гончар, Николай Сорочкин... Умело ведут свое сложное хозяйство газовщики Жилин, Родионов; оперативно и четко работают на загрузке машинисты

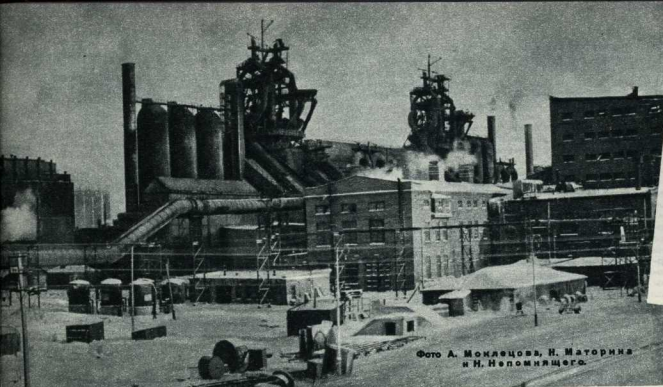

Фото А. Молочкова, Н. Маторина и Н. Илюмозова.

«Лучший мастер доменных цехов Советского Союза» — такого высокого звания удостоен Леонид Рыбцев.

Имя молодого талантливого доменика Константина Хабарова известно не только магнитогорцам, но и всей стране.

вагон-весов Ворожбитов, Андрея, Каримов... Седьмой доменной пещью управляют мастера Леонид Рыбцев, Иван Колдузов, Константин Хабаров. Вес их опыт, который сейчас изучают технологи цеха, был накоплен на домах Магнитки.

Леонид Рыбцев пришел в цех с дипломом инженера. Он хорошо знал магнитогорские печи: здесь проходила его практика, здесь получил он богатый материал для проекта. Он мечтал о самостоятельной работе на этих печах, к которым, ему казалось, он уже давно привык.

Но самостоятельная работа началась не сразу.

— Начните с горна, — сказали ему и пояснили: — Чтобы стать хорошим мастером, мало знаний, полученных из книг. Их надо дополнить практикой, опытом. Продолжайте учиться здесь...

И Рыбцев учился. Учился оттачивать шлак, взвешивать шихту, управлять воздушно-нагревателями, учиться всему, что составляло обязанности горновика, газозащитки, машинистов вагон-весов.

Управлять пещью было куда сложнее, чем это казалось в институтских аудиториях. Тогда, в студенческие годы, работа мастера представлялась в кино, даже несколько радужном свете. А мастеру надо было отвечать за все: и за ход пещи, в которой совершались сложные процессы, скрытые от глаз человека стальной броней и кладкой, и за качество металла, и за оборудование... Надо было правильно вести плавку, уметь предвидеть малейшие нарушения режима и вовремя принимать нужные меры.

Леонид Рыбцев в совершенстве овладел этим делом. Недавно ему было присвоено звание лучшего мастера доменных цехов Советского Союза.

Рыбцев многому научился у Ивана Ивановича Колдузова, по возрасту самого старшего из трех мастеров.

Четверть века назад Колдузов довелось рыть котлованы под фундаментами первых доменных печей Магнитки. Это было время суровой юности. Молодой Колдузов ковал землю, возводил опалубку, собирал стальные конструкции и

мечтал стать металлургом. Прежде он никогда не видел доменных печей. Первые печи, увиденные им, были построены его руками. На его глазах вырастали стальные остоны; он следил, как их заполняли кладкой, одевали в броню, опутывали трубами... Он видел, как оживали эти громады, как по каналам в чушновозы побежали первые потоки металла. Он любил горячую работу и трудное ремесло доменика.

Иван Колдузов прошел путь от чернорабочего до мастера. Опыт, накопленный за долгие годы, он делится охотно и щедро: опыт обогащается, считает мастер, когда становится достоянием многих. Он сам всегда готов учиться у своих товарищей — и у Рыбцева, получившего в институте глубокие теоретические знания, и у молодого талантливого доменика Хабарова.

Биография Константина Хабарова укладывается в несколько строк. Школа... Ремесленное училище... Комбинат. В те далекие годы, когда Колдузов начинал свой трудовой путь — путь строителя и металлурга, — Хабаров записался на переменах бумажных голубей и втайне от учителей рисовал на уроках героев любимых книг, давая волю смелой мальчишеской фантазии...

В ремесленном училище товарищи советовали Хабарову стать домеником. Но Хабаров пошел в доменный цех. Работу на печи он считал своим призванием.

Правда, плавить чугун он начал несколько позже, пройдя так же, как и многие другие, путь от рабочего до мастера. Его имя приобрело широкую известность на комбинате после того, как, став мастером первой печи, Хабаров блестяще освоил сложную технологию выплавки литяного чугуна.

Хабаров умеет находить смелые и новые решения там, где, казалось бы, давно сказано последнее слово... Окончательно выбрав путь доменика, он по-прежнему продолжает заниматься живописью. И, может быть, душа художника помогает ему лучше чувствовать поэзию труда, внести в работу истинную творческую силу.

...Да, доменики седьмой печи

поставили перед собой серьезные задачи, и решение их требовало напряженной работы всего коллектива. Надо было лучше организовать труд, укрепить дисциплину на всех участках.

Это было главное, и с этого началась борьба. Три мастера добились полной согласованности действий при управлении ходом пещи. Это имело исключительное значение.

Магнитогорский мастер — хозяин, основной технолог пещи. Он ведет постоянное наблюдение за приборами, контролирует качество сырья, кокса, следит за продуктами плавки — чугуном и шлаком, за работой фурмы, проверяет состояние оборудования... Никто не ограничивает права мастера: в управлении ходом пещи он может проявлять самую широкую инициативу.

Но печь станет работать хорошо и ровно только в том случае, если три мастера будут управлять ею, как один. Недаром магнитогорцы говорят: три мастера должны быть одним мастером.

На седьмой печи это правило стало законом. Ни один из мастеров никогда не изменит технологического параметра, не согласуя его с решением своего решения со своими товарищами.

Полноправными хозяевами на своих участках стали и горновик, и газозащитки, и машинисты вагон-весов. А когда каждый из них почувствовал себя хозяином, он начал относиться к работе с особой ответственностью, перешел от поверхностного знакомства с технологическим процессом к глубокому изучению его. На седьмой печи нередко газозащитки в отсутствие мастера самостоятельно принимают необходимые меры, предупреждая нарушение нормального хода дома.

Конечно, и слаженность в работе мастеров и четкая организация труда всего коллектива домеников — все это пришло не сразу. Были бурные сменно-встречные собрания, когда в спорах решались самые острые вопросы. Были коротко, десятиминутные операции, на которых обсуждался каждый случай нарушения технологии или правил техники безопасности.

Не сразу наладилось и дисциплина...

Как-то в ночную смену один из горновиков, работая на канаве, почувствовал себя плохо. Он неожиданно пошатнулся и, чтобы не упасть, оперся на лом и низко спустил голову.

— Дидоренко, что с тобой? — крикнул первый горновик, стоявший у перелавы, и бросился к товарищу.

— Жарко что-то... Голова закружилась...

Горновик отвел его в сторону, усадил на ступеньку трапа. Глаза у Дидоренко были мутные и сонные.

— Так... Ясно... ледяным тоном произнес горновик и усмехнулся: — Разморил!.. Иди, отлепись. Потом поговорим. Эх, ты!..

Дидоренко, отыскав уютное местечко, улегся спать. Вскоре о нем забыли, а когда пошли проводить, оказалось, что Дидоренко исчез.

Горновик астрологически. Они тщательно осмотрели весь литый двор, заходили даже в подбункерное помещение, в машинный зал. Дидоренко исчез. Не было его ни на соседних печах, ни в дузовой, ни в коминате отходах.

— Вот беда... Мало ли что могло случиться!

— А не отправился ли он домой? Дома все-таки уютней...

Утром, как только кончилась смена, на квартиру к Дидоренко отправлялись двое горновиков. Через час злые, как черти, они позвонили в цех: Дидоренко, конечно, цел и невредим, он лежит в постели и крепко спит.

Разговор с мастером запомнился Дидоренко надолго. Присутствовавшие при «разносе» горновые по окончании, так сказать, официальной части сочли нужным повторить все то, что сказал мастер, а выражаясь, с их точки зрения, «более простых и доходчивых...». Памятен для Дидоренко и сатирический листок, появившийся в цехе в тот же день, где без большого скандала, но очень выразительно был изображен горновой седьмой комсомольско-молодежной печи в обмундировании опорожненной бутылки.

Случай с Дидоренко оказался поучительным. На расширенном заседании цехкома, когда рассматривались итоги работы за месяц и присуждалось первое место лучшему коллективу, от имени домнициков седьмой печи выступил Дмитрий Карпета.

— Дидоренко допустил грубое нарушение дисциплины, — сказал он. — В этом и наша вина. Рано успокоились, решили, что о дисциплине волноваться не стоит: мол, образцово-показательная печь... Мы предлагаем не аттестовать работу седьмой печи, несмотря на то, что в этом месяце у нас самые высокие показатели. Пусть скажут с Дидоренко будет всем горшечным уроком.

3

Как-то раз во время выпуска чугуна к Рабцеву подошел горновой Карпета. Литейный двор был на-

полнен красноватым светом. Вдоль канавы над узкой, ослабительно яркой лентой металла поднимались легкий дымок, вспыхивали голубоватые искры.

Карпета снял шляпу и ладонью смахнул со лба капли пота.

— Хорош чугуном! — сказал он, облокотившись на перила мостика и глядя на поток металла. — Хорош!

Чугун наполнял четвертый ковш, и, судя по всему, металла должно было хватить и на пятый. Карпета покачал головой и, словно выражая вслух свои мысли, спокойно проговорил:

— Пора переходить на восьмивыпускской график.

Рабцев взглянул на горнового. Карпета, продолжая смотреть на поток металла, пояснил:

— Слишком много чугуна. Надо выпускать металл восемь раз в сутки.

Рабцев слушал молча. «Хорошо, что сами горновые заговорили об этом», — подумал он. — Молодцы!

— А ты что скажешь, Леонид? — спросил Карпета.

— А что говорят другие горновые?

Карпета повернулся и быстро заговорил:

— И Сергеенко, и Душкин, и остальные ребята — все так считают. Пора переходить. Ведь и наш график давно составлен. Все говорят: пусть мастера доложат начальству, а горновые готовы.

О переходе на восьмивыпускской выпуск чугуна мастера седьмой печи поговаривали давно. Печь работала ровно, и во время между двумя выпусками в горне накапливалось так много металла, что сдох штык задерживался, печь начинала работать менее интен-

сивно. Переход на восьмивыпускской график почти каждый день: — Незачем тормозить печьку.

Надо дать ход чугуну.

Да, пора было дать полный ход металлу. Переход на восьмивыпускской график форсировал бы работу печи. Более частое освобождение горна от металла даст возможность увеличить загрузку руды.

Конечно, при этом сократится и время, необходимое для выполнения операций на горне: для подготовки футляра, горновой и песчаной канав, заправки перебойной лопатой, расклевки сыпара. Работы горновых станет более напряженной.

Первыми заговорили о переходе на новый режим, горновые, были готовы и новым условиям работы: они тщательно продумали, как лучше расставить людей на разных участках, чтобы наиболее полно использовать все сорки минуты, в течение которых должна быть закончена подготовка к выпуску чугуна.

И вот на всех панелях, где сигнальные лампы показывают выпуск металла или шланга, загорелся красный свет, сигнализируя против смен, стал вспыхивать восемь раз в сутки.

Это был важный этап борьбы за улучшение технологического процесса.

Вскоре на седьмой печи установили сопла новой конструкции, позволяющие поднять температуру дутья; повысили давление газов на колонии; применили новые, наиболее рациональные системы загрузки. Совершенствовалась технология, повышалась производительность печи.

Но не все новое внедрялось легко и просто. Были и трудности, и неудачи, и поиски верных решений. Так обстояло дело, например, при переходе на работу с высокой температурой дутья.

В одну из смен приборы показали похолодание печи. Горн требовал дутья. Дальнейшее понижение нагрева грозило нарушением хода, надо было немедленно принимать меры. Вот тогда-то мастера и предложили поднять температуру горячего дутья... Они хотели решить сразу две задачи: устранить похолодание и перевести печь на новый температурный режим.

Газовщики подняли температуру горячего дутья до девятисот градусов. Это был предел. Печь впервые принимала дутье такого высокого нагрева, и трудно было предугадать, как повлияет изменение режима на ровность ее хода...

Первая задача была решена: печь стала мдти горячо.

Но мастера следили за приборами и ждали... Через некоторое время ход печи расстроился. Большое количество тепла в горне вызвало образование избытка газа. Стоб материалов был слишком плотным, газы не могли проникать его во всеу сечению, и в шките появились каналы, вдоль которых газы, как по трубам, проносились с огромной скоростью. Да, не так-то легко было, оказывается, изменить режим, сохраняя при этом ровность хода.

Перед мастерами встал вопрос: что делать?

Следая Рабцеву смену, Колдузов сказал:

— Снизить температуру нельзя.

— Нельзя, — согласился Раб-

цев. — Зачем отступать? Попробуем уменьшить подачу дутья и неможем повысить его влажность. И снова мастера следили за приборами и ждали...

Вскоре стало ясно, что принятые меры оказались недостаточно эффективными. Печь пошла ровно, но интенсивность работы ее упала. И как ни затегивал Карпета выпуск, как ни мддил с закрытым летик, чугуна наливало меньше.

Неуложки надо было все-таки отступить! А если нет, то какие меры наиболее действенные? Где выход?

И выход был найден. Не увеличивая влажности горячего дутья и, конечно, не снижая температуры, мастера повысили рудную нагрузку. И печь пошла интенсивнее даже при уменьшенной подаче дутья.

Так было решено и вторая задача — перевести печь на новый режим.

4

Леонид Рабцев выпул из кармана сложенный четверть листов бумаги.

— Вот позинкомьтесь, — сказал он, осторожно развернув листок, положили его перед нами на стол. На миллиметровой аккуратно и четко был вычерчен график — несколько тонких кривых. Это основные линии работы кабинета седьмой домниной печи за все двенадцать месяцев: столько-то проплавлено руды и агломерата, столько-то сожжено кокса, на столько-то увеличилась рудная нагрузка и улучшился коэффициент использования полезного объема печи. Каждый месяц — новые показатели, новый шаг вперед.

Доменики седьмой печи обязались дать Родине восемь тысяч тонн сверхпланового чугуна, а дали почти двадцать!

— Мы в течение года два раза пересматривали обязательства по чугуну, — говорит Рабцев. — Вначале было восемь тысяч тонн, потом решили, что можем дать еще тысячу, потом еще тысячу... Вот и достигли до двух десятков. Всех возможностей сразу не предусмотрели!

— А другие ваши обязательства? По качеству, например? — поинтересовались мы.

— Мартеновцы не обманывают, — улыбнулся Рабцев. — А углов, трудно. Чуть что — доменики виноваты... Бывает, конечно, даем повышенную серу, но это редко. Очень редко.

Рабцев спрятал свой график и, помошав, сказал:

— Мы выполнили все, что намечали на год. Но мне кажется, что дело не в отдельных показателях. Показатели — это, так сказать, следствие. Мы хотим улучшить нашу работу и просили не создавать нам никаких особых условий. Это была наша главная задача. И вот в чем мы убедились: такую задачу можно решить на каждом заводе, на любой печи. Все дело в нас самих, в желании работать по-новому...

Николан НЕПОМНИЩИЙ

Магнитогорский металлургический комбинат

Новогодние пожелания
читателям «Смены»

В первом номере журнала были опубликованы новогодние пожелания читателей «Смены» от писателей, артистов, общественных деятелей. На этой странице мы помещаем пожелания немецкого писателя Вилли Бределя, кубинского поэта Николаса Гильена и американского писателя Айры Уолфберт, которые редакции получала позже.

К НОВЫМ ГОРИЗОНТАМ!

Дорогие друзья и товарищи из Советского Союза!

Меня попросили высказать свои новогодние пожелания советской молодежи, что я и делаю с большим радостью.

Итак, 1956 год пролетит нами, остался позади и навечно вошел в историю, особенно в историю борьбы за социализм и свободу. Давайте мне в наступающем 1957 году оглянуться на прошедшие триста шестьдесят шесть дней.

Это в первую очередь дни раскола партии ХХ съезда Коммунистической партии нашей Родины, который разрешил главные задачи по разрядке международной напряженности, дальнейшему строительству коммунизма и ликвидации культа личности и догматизма. Значение этих решений трудно переоценить, но, несомненно, они ознаменуют благоприятное влияние на общественную жизнь стран социалистического лагеря.

1956 год ознаменует нас развитием, 1956 год славы и новыми успехами миролюбивых народов в деле защиты свободы и собственности на земле против проносов империалистов.

Посмотрите, как окреп и усилился наш социалистический лагерь, идущий в авангарде борьбы за мир, как могуча и действенная воля народов к миру, как прочно единство людей доброй воли, которые не смогут никогда разлучить: никакие любители «холодных» войн! Этого мощного единения народов за мир, без этой воли народов к миру и взаимопонимания, которое помещало бы англо-французским империалистам вновь утвердиться в Египте, которые не могли бы остановить агрессивные действия Англи, Франции и Израиля против Египта? И что иное, как патристичность, моральная поддержка и солидарность народов земли, могли вдохновить египтян на героическое сопротивление распускавшимся захватчикам! Единocuное осуществление агрессоров еще раз показало силу и мощь единения народов за мир.

Сила и солидарность народов Советского Союза в укреплении мира на земле, особенно проявилась в действиях Советской Армии в Венгрии, когда Рабочее Коммунистическое Правительство страны попросило нашу войска помочь советскому народу в подавлении фашистского путча. Трудно переоценить мужество советских солдат, плечом к плечу сражавшихся с рабочими Венгрии против белого террора, в котором реакционные элементы Венгрии объединились с реакционными элементами партии фашизма благодаря вашим соотечественникам разгону фашизма был окончен.

1956 год останется в памяти партия Героев. Демократическая советская Республика как важнейший шаг нашего марша социализма. И не только потому, что мы достигли больших успехов в промышленности и сельском хозяйстве, в повышении жизненного уровня трудящихся и укреплении воли нашего рабочего-крестьянского государства. Это важнейший для нас год еще и потому, что партия и прав-

тельство все решительно идут по пути исправления допущенных в прошлом ошибок, но пути развития критики и самокритики, демократизации и возвращения к ленинским нормам в партийной и государственной жизни. Безусловно, это принесет добрые плоды в ближайшие времена.

Дорогие советские друзья! Перед нами 1957 год, в котором мы в «серьезной» раз будем отмечать день Великой Октябрьской социалистической революции. В октябре семнадцатого года началась грандиозная переделка мировой истории. Инициатором этой переделки была наша Отчизна, Страна Советов, пробиравшая первую брешь в капиталистическом мире, чтобы построить счастье для трудящихся. За сорок прошедших лет социализм вышел за пределы одной страны, охватил Своими нормами более трети земного шара, привлек миллионы человек на свою сторону, в свой лагерь. Взгляните на карту: от китайских морей до Эльмы несут могучий лагерь социализма. А рядом с нами, рука об руку, идут народы колониальных стран, освободивших или освобождающихся от империалистического ярма. Какие невероятные победы за столь немногие десятилетия! Какой пример для еще порабожденного человечества других континентов, какие надежды людям мы сегодня! Наша дело — дело марксизма-ленинизма — зовет и ведет нас к дальнейшим целям освобождения трудящихся, которые уже победили и будут побеждать в далекой шах.

И новыми силами и верой — к новым горизонтам! Я от души желаю советской молодежи, чтобы 1957 год был для нее годом мира, годом новых больших свершений и дерзаний, годом новых успехов.

Вилли БРЕДЕЛЬ

Берлин.

Рис. М. Вренайзена.

личных стран ближе узнают друг друга, опасность их новой встречи на поле битвы уменьшится и в конце концов исчезнет совсем.

От всей души желаю, чтобы 1957 год был годом мира. Это пожелание я адресую молодежи всей земли, молодежи, чья энергия, ум, сердца и руки должны всегда служить на благо миру, дружбе и всемирному прогрессу.

Николас ГИЛЬЕН, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

ДОСТОЙНО

СЛУЖИТЬ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Фото Г. Борисова.

В новом году я желаю читателям «Смены» того же, что желаю юным детям: молодежи всего мира. Я хочу, чтобы их жизнь не расстраивалась попусту, а, направляясь по правильному пути, являла собой образец служения человеческому обществу. Только создавая в этом отношении все, что в его силах и возможности, человек на склоне дней своих с удовлетворением отметит, что он недаром прожил жизнь, что он принес пользу человечеству.

Нью-Йорк.

Айра УОЛФЕРТ

Павел КОЗЛОВ

ДВОЕ В СТЕПИ

Рассказ

П. Козлов.

Долгие зимы у нас, в Северном Казахстане, суровые, снежные. Вот и ныне снегу понасыпало, сутробо понамолею!..

В один из морозных дней в районной контроле связи дежурила телеграфист Степан Першин — парень лет восемнадцати. В черном форменном кителе с синими кантами и белыми металлическими пуговицами, он сидел на табуретке за аппаратом и сосредоточенно выстукивал ключом точки и тире. Непослушный чуб Степана сползал на лоб, закрывая глаза, и Степан то и дело резкими движениями головы откидывала волосы.

В комнате, кроме стола Першина и его «сморзья», справа от двери был приткнут еще один столик. За ним трудились лобастый парнишка Санька Маслов — доставщик телеграмм. Санька отстал от школы, и мать определила его на телеграф, чтобы зря не болтался и зарабатывал немного денег.

Посреди комнаты возвышался, как монумент, стовушерный телефонный коммутатор. Перед ним на высоком стуле сидела Настя — девушка с беспринципно сияющими синими глазами и с длинной черной ободок с наушниками и переговорной трубкой.

— Готово... Занято... — щебетала телефонистка, то выдергивая из гнезд коммутатора металлические наконечники шпуров, то снова быстро вставляя их в гнезда.

Степан пришел из Синегорска пятнадцатым телеграмм, записал в аппаратный журнал и передал доставщику.

— Тут шесть срочных, смотри! — вышутелно предупредил он.

— Ладно, разберусь, — ответил Санька и, шевеля губами, начал деловито регистрировать телеграммы.

Степан принес из операционного зала очередную пачку телеграмм, подобрал их по категориям, снова усадил за аппарат, вызвал Синегорск и начал передавать. Выстукивая точки и тире, он изредка косился на телефонистку, сидевшую вполоборота к нему.

Осенью Степан записался в драмкружок при

клубе. Оказалось, что и Настя занимается в этом же кружке. После репетиции ему случилось прожогать девушку домой: она очень боится собак, которых в нашем селе за последнее время развелось порядочно.

Вчера он опять провожал Настю. Шли не спеша, обсуждали пьесу, которую только что репетировали. Степану казалось, что у всех исполнителей получалось здорово. Настя не соглашалась, и они даже немножко поспорили. Когда дошли до ее дома и остановились возле клочка, в голове Степана вспыхнула обжигающая мысль: «Обнять ее сейчас и поцеловать прямо в губы...» Но он тут же одумался: «Ни с того, ни с сего — как это так? Она, пожалуй, обидится, неудобно все-таки...»

Да и девушка почему-то сразу затормозилась, поджала ему руку «подкошкой» и выманила в калитку. А он так поборол домой. «Нет! — рассуждал Степан, — сразу, конечно, целовать нельзя, она может черт знает что подумать обо мне. Тут надо как-то по-другому... Объясниться сначала...»

Утром, умываясь, он решил сегодня же сказать Насте все. «Так и скажу прямо: люблю тебя, Настя, давно уже люблю... Что же тут особенного, если это правда?» — думал он. — Надо только время выбрать, когда в комнате никого, кроме нее, не будет, в обещанный перерыв, что ли...»

Передав телеграммы, Степан подточил карандаш, добавил краски в чернильницу аппарата и снова переключился на прием.

— А до черта сегодня работенки! — с веселым удивлением сказал он, не отрываясь от ленты.

— Ничего, ничего, работай! — задорно блеснула зубами Настя. — Тебе полезно...

Степан хмыкнул, отбросил принятую телеграмму и повернулся к Насте:

— А почему, говоришь, полезно?

— Помытые булдуш за девчатами бегать, — лукаво метнула на него глазами Настя.

— За девчатами? — искренне изумился Степан. — Ну, это ты, Настя, зря... И все-таки, чувствуешь себя полными, добавил: — Хм, за кем же это я бегать?

Но Настя уже не слушала его, а снова кричала в переговорную трубку.

Степан оторвал чистый бланк и, продолжая списывать с ленты очередную телеграмму, заулыбался.

Долго трещал аппарат, Степан все писал и писал. Наконец поднялся за табуреткой, потя-

нулся, выпрямляя усталую спину, и нараспев объявил:

— Пере-кур!

Потом медленно прошелся по комнате, закурил и остановился возле Настя.

— Ну, чего уставился? — не особенно ласково спросила Настя.

— Даже и посмотреть нельзя? — сразу потускнел Степан. — Эх, Настя!

— Конечно, нельзя! — Настя хотела нахмуриться, но неожиданно улыбнулась.

«Скажу! — решил Степан. — Будь что будет!» — Настя... — начал он. Голос его дрогнул и осекся.

Девушка внимательно глянула ему в глаза и вдруг покраснела.

— А когда у нас будет репетиция? — спросила она, потупившись.

— Репетиция? — ошарашен Степан. — Не знаю когда. Сегодня будет... Я не об этом хотел, Настя... — продолжал он, набирая храбрости. — Я давно хотел сказать тебе... Степан глотнул воздуха, проведя языком по переосмещенным губам. — Я давно, Настя, с первого же раза... Скрипнула дверь. Оба заоругнули. Вошла касирша — пожилая женщина с толстым компрессом на левой щеке, из-под которого торчали клочья ваты. Как только начиналась зима, у нее постоянно болели зубы.

— На тебе, Степа, чтобы не скучно было... — прошептала она и положила на аппарат пачку телеграмм, принятых от клиентов.

— Хорошо, — сказал он каким-то деревянным голосом, не двигаясь с места и дожидаясь, когда она уйдет.

Касирша ничего не заметила, подошла к

ним.

— Настенька, что я хочу тебя спросить... У нас дома алая есь?

— Ало? — встрепнулась Настя. — Есть, Дарья Назаровна.

— Принес ты мне, Настенька, отрожек, а?

— Да, пожалуйста, Дарья Назаровна, с удовольствием, — ответила Настя.

Степан, переминаясь с ноги на ногу, нетерпеливо поглядывая на Дарью Назаровну. А та, морщась, не отнимая руки от компресса, принялась подробно рассказывать о замечательных целебных свойствах ало.

Раздосадованный Степан нехотя отошел и, присев на свое место возле аппарата, подумал: «Если у тебя болят зубы, положи телеграммы на аппарат и уходи, а то развела тут целую лекцию, бабьолка!»

После ало Дарья Назаровна завела разго-

вор про чеснок. Степан с возмущением перелернула плечами и начал просматривать принесенные телеграммы, затем машинально взялся за ключ и стал вымывать Синегорск.

Наконец Дарья Назаровна вышла. Едва за нею закрылась дверь, Степан рванулся к Насте. Но дверь снова скрипнула, вошел красный от мороза доставщик. Степан застыл на пороге, торжественно пошарив в карманах, вытащил папиросы, закурил.

— Вот жмет, так жмет, язви его! — солидно произнес Санька, вытирая рукавчик под носом.

Степан швырнул в пепельницу только что закурившую папиросу и снова уселся за аппарат. Вдруг стрелка миллиамперметра дернулась и замерла на нуле. Степан рванул ключ, присматриваясь к стрелке, прочистил контакты. Стрелка не шелохнулась!

— Ток пропал, — утробно заметил он.

— А как это он пропал? — спросил Санька Маслов.

— Да кто его знает...

— Обрыв, наверно, где-нибудь, — предположила Настя и укладкой взглянула на Степана. — Может, и обрыв, — согласился тот, не поднимая головы. И потом добавил, почесывая затылок: — Три штуки не успел передать.

— А если его разобрать? — с энтузиазмом внес предложение Санька. — Может, у него в нутре чего?

— Кого разобрать?

— Да аппарат-то!

— Что ты! — засмеялся Степан. — Не поможет. Раз току нет, значит, все!

Озабоченный Степан вышел из аппаратурной. — Вот канитель, — недовольно бормотал он, возвращаясь. — Ни начальнышка, ни Ахметова, ни Настя, ни мои квартира Ахметова, — попросил он смущенно: ему было неловко от неоконченного объяснения.

Настя принялась крутить ручку коммутиатора. — Говори, — кивнула она в сторону телефона, висевшего на стене.

Объяснив Ахметову положение, Степан присел к аппарату, взглянул на часы в светлом ореховом кофре и вышел в журнале: «13-00. Прекращение тока».

Спусти несколько минут в аппаратурную встал записывавший Сыздык Ахметов — дневный наладчик.

— Что у нас тут случилось? — спросил он и, не дожидаясь ответа, подошел к аппарату, постукав ключом, щелкнул раза два пальцем по миллиамперметру. — Что такое, а? Что такое, а? — вытолкался шаркая на сам себя.

— Обрыв, наверно, где-нибудь, — заметил Степан.

— Обрыв, обрыв... А может, тут у нас что-нибудь, — сказала Сыздык, тщательно исследуя коммутационный проводок. Затем он вышел на улицу, но скоро вернулся. На плече у него уже висела контрсервисная сумка, подписанная им в широком поясе с болтавшейся цепью и в правой руке держал пару железных «копейек».

— Пройду по линии. Может, в селе что-нибудь, — А на улице-то ветерок поднимается! Пройду, — сказал, отходя, Степан.

Конечка может быть, оно и радом где-нибудь. Позвонившая цепью, Ахметов вышел из конторы. Осматривая провода, он дошел до контрольного столба, что стоял метрах в трехстах от села. Нигде никаких повреждений не обнаружил. Тогда, прикрепив «копейки» к валекам, он искривился на столб, включившись в провод, но сколько ни крутил ручку телефона, дозвониться до Синегорска не смог.

На обратном пути Сыздык почувствовал легкий охват. «Начинается», — тоскливо подумал он, заочно передергивая плечами.

Через полчаса Ахметов был уже в конторе. Доложил начальнику о своих наблюдениях, он опустился на табуретку и понырялся.

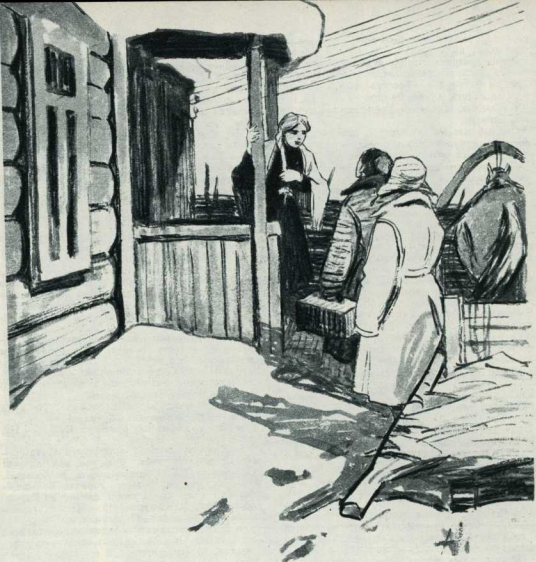
— Устал? — дружелюбно усмехнулся начальник.

— Да нет, не устал, Захар Кузьмич. Это я так...

— Что ж, товарищ Ахметов, придется выезжать на линию, — сказал Захар Кузьмич, направляясь к двери.

— Хорошо, сейчас, — ответил Ахметов, поднимаясь с табуретки и натягивая на голову малярия.

Степан знал, что у Сыздыка была малярия.

Присматриваясь к нему, он заметил и какое-то похужелое лицо и мутные глаза.

— Слушай, Сыздык, — Степан подошел вплотную к нему, пытаясь посмотреть на него. — Опять приступ, да?

— Да так, немножко знобит... А что?

— Как что? Если болен, не езд! Куда же ты собираешься? — возмутился Степан. — Я могу съездить!

— Ну, интересно ты рассуждаешь! — отозвался Сыздык и поспешно вышел из аппаратурной.

Степан постоял минутку, почесывая затылок, и направился догонять начальнышка, — Захар Кузьмич, разрешите мне доехать с Ахметовым до Кирилловки.

— А аппарат как?

— Так повреждение же, Захар Кузьмич. Току нет все равно.

— М-да... А зачем тебе в Кирилловку?

— Там один дружок жениться задумал, — внезапно выпалил Степан. — На свадьбу меня пригласил. Сегодня как раз свадьба или завтра, — проговорил он, залпавшись и неловко краснея.

— Ишь ты! На свадьбе погулять захотелось. Ну, и на сколько же тебе дней?

— Да дня на два, Захар Кузьмич, хватит, — повеселел Степан.

— Ну, ну, — благожелательно улыбнулся начальнышка. — Что ж, поезжай. Заменю в случае чего. Только не долгие.

Снизивший Степан поблагодарил начальнышка.

Постой, обождай! — крикнул Захар Кузьмич уже уходящему Першину. — А если Ахметов не доедет до Кирилловки? Если повреждение ближе, тогда ты как?

— Тогда? — Степан поморгал глазами. — Тогда пешком дойду!

— Сммотри ты на него! — удивился начальнышка. — Какой удалый на выпытку-то! Мальчишка еще, а уже...

Сыздык и Степан, готовые в дорогу, столкнулись у крыльца конторы.

— До Кирилловки доедешь? — спросил Степан.

— Пожалуйста, какой может быть разгвор! — оживился Сыздык. Он знал, что в Кирилловке есть отделение связи. «Может, начальник с каким-нибудь обследованном посылал», — подумал он и промолвил: — Веселее ехать будет. Тонково!

Во дворе уже стояла запрятанная в широкие розоватые серые мохнатая лошадка; возле нее хлопотал дед Фома, конторский конюх. На свинах лежала добрая охапка сена.

Через несколько минут снег заскрипел под подошвами.

— Смотрите не гоните лошадей-то! — крикнул конюх вагонку.

Лошадка не особенно охотно бежала от своего двора, то и дело оглядываясь назад. Село просекал мочал. У околицы ветер, словно поджидавший за углом последней хаты, рванул снег с обочины дороги и швырнул Степану в лицо. Степан чертыхнулся, потер глаза, нахлобучил шапку и плотнее запахнул тулуп.

Слушай, Степан, — Сыздык слетел тронку его за плечо. — А зачем ты в Кирилловку?

Степан вспоминал, как он убедительно объяснил причину своей поездки начальнику, и повторил выходящий Сыздыку.

— Вот это здорово! — рассмеялся Сыздык, щуря свои и без того узкие глаза. — Это ты, значит, за стопкой водки едешь, да? Семь верст কিন্তু кинушь едешь, да?

Село осталось далеко позади. Кругом, насколько хватал глаз, тянулась ровная, безжизненная, заспанная снегом степь. В стороне от дороги маячили наполовину утопавшие в снегу телеграфные столбы.

— Сыздык, а ты на провода-то смотришь? — спохватился вдруг Степан, круто поворачиваясь к нему.

— Смотрю... не совсем уверенно отозвался тот.

— Я тоже, — сказал Степан.

Время от времени они останавливались, в Сыздык, скучив с себя тулуп, с трудом, проваливаясь в снег, добирался до ближнего столба; натруженный, долго возился с «копейками», вешал черт плечо телефон и, взбавившись на столб, пытался дозвониться до Синегорска, но

всякий раз спускался, огорченный неудачей, и они ехали дальше.

Когда прозрачные синие сумерки стали затеплять степь, Сыздык начал знобить. Он закутался в тулуп и, чувствуя, что не в силах больше сидеть, прилег набок.

— Сыздык, а Сыздык! — потолкал его рукой Степан.

Сыздык что-то промочил сквозь поднятый воротник тулупа. Степан понял, что ему плохо, и не стал больше беспокоить.

Тем временем небо заволочило плотными тучами. Попысали снежок, сначала несмелый, реденький, потом гуще, гуще... Сильнее подул ветер, и черес полчасца в степи уже буйствовал настоящий бурей. Закутавшись плотнее в тулуп, Степан сидел неподвижно. Нечего было и думать править лошадей. Он привязал бесполезные теперь вожжи к саням и предостоялся ей самой находить дорогу.

— Сыздык, а Сыздык! — закричал он, наклонившись над товарищем. Но тот лежал, скорчившись, безучастный ко всему происходящему.

Лошадь натужно тянула сани по снежным переметам и вдруг остановилась.

Степан спирнул из саней и, с усилием вытягивая ноги из глубокого снега, цепляясь за оголоб, подошел к лошади.

— Эх, ты... с укором сказал он.

Лошадь стояла, низко опустив голову. Как-то Степан вернувшись к саням и медленно опустился на отводную.

— Сыздык, а Сыздык!..

Тот лежал назавис, раскинув руки. Поля расстегнутой полушубка трепались на ветру. Дрожжущими пальцами Степан стал застегивать пуговицы его одежд.

— Ты с ума сошел!..

— Пусти!.. Жарко!.. — прохрипел Сыздык, отталкивая Степана.

— Чего ты дурака валяешь на самом-то деле? — сердито проговорил Степан и, стаянув с себя тулуп, накрыл им Сыздыка, забавно подождав полм сего.

Оставшись без тулупа, Степан нерешительно потоптался на месте, похлопал зачем-то себя по карманам полушубка. Потом, спотыкаясь и падая, полез на сугроб. Сугроб оказался довольно высоким, затвердевшим. «А что, если?..» Вислая дуга дала мелкую и голову. Он кинулся к саням, выдернул из-под сена железную лопату и, не обращая внимания на снежные вихри, принялся рыть широкую нору, подрывая лопатой глыбы сена и отворачивая их в сторону. Когда нора была готова, Степан устроил затихать для лошади. Потом затормозил спавшего Сыздыка:

— Пойдем ночевать. Квартира есть!

Он помог Сыздыку добраться до норы, уложил на мягкую подстилку из сена, укутал тулупом, затем распряг и привязал к саням лошадей и только после этого забрался в нору сам. Забив отверстие снегом, он с удовольствием прилег рядом с Сыздыком.

Три раза проснулся Степан от холода, вылезал из норы и принимался танцевать. Когда в четвертый раз, окончивший, выбрался из норы, уже наступило утро. Буря утихла.

— Давай вставать, плясать будем! — весело предложил он Сыздыку. — Ну, как самочувствие? Замерз?

— Слабость вроде немножко, — ответил Сыздык, выбравшись из норы. — А так ничего, только ноги малость подмерзли... Куда это нас занесло, а?

— Понятия не имею... Давай-ка поужем немного.

Он вытаскил узелок, в котором были хлеб, кусок сала, пара луковиц.

— Слушай, Сыздык, а почему ты не лечишься, а? Кое-то это за чертовщина? Ты, наверно, и к врачу не ходил?

— Как не ходил? Ходил. Он мне лекарство выписал. Я два раза принял, а потом оно гдето потерялось... Смотри, Степан, смотри! — закричал он вдруг оживленно. — Столбы-то наши где, смотри.

В сероватой утренней полумгле неясно маячили столбы. Степан протянул свистунок:

— Вои как от дороги нас отнесло!.. А все-таки где же обрыв?

Друзья укатились в тулупы и тронулись дальше. Отдохнувшая лошадь бежала рысью, сани вывали в ухабах. Так ехали около часа. Из-за туч выглянуло солнце, и степь засверкала, заскрипела.

— Степан, Степан!.. — радостно крикнул вдруг остроглазый Сыздык, указывая на болевшие обрывки провода.

Они подбежали к месту повреждения и, не теряя времени, проворно с помощью бляшек стянули концы провода. Сыздык вскарабкался на столб, включил в провод и крикнул:

— Все в порядке! Поворачивай домой, Степан!

Через несколько минут они уже ехали обратно, навстречу солнцу, с удовольствием жмурясь от его лучей.

— Стой!.. — Сыздык внезапно схватил Степана за руку. — Стой, тебе говорю!

— Ты чего?.. Что случилось?

— Что случилось, что случилось?.. Ты куда едешь? Тебе же на свадьбу надо!

— А-а-а, — спокойно протянул Степан. — Ну, ничего.

— Как это ничего?! — горячился Сыздык. — Давай подвезу тебя. Ведь не так далеко! Сколько тут? Километров десять, не больше...

— Ну, что ты, больше, гораздо больше, — сказал Степан таким тоном, словно до Кириллова было километров сто. — Чего ж гонять лошадей туда-сюда?.. Передумал я.

— Х-хе, передумал! — задорно передразнил его Сыздык. Он хотел сказать еще что-то язвительное, но вдруг притих. В его голове мелькнула догадка, которая по-новому осветила поездку Степана вместе с ним, и он только погалдел Степана по рукам тулупа.

— Но-но, ты, бухай!.. — помахал Степан кивком над головой.

Когда они въехали на двор конторы связи, из аппаратурной выскочила Настя.

— А-а, путешественники! — насмешливо крикнула она. — Припогоди?.. Она подошла, подзорвалась. — Замерзли, поди? Где же вы ночевали?

Настя спрашивала обонх, но смотрела только на Степана.

— А когда это бывало, чтобы мы замерзали? — весело крикнул Степан, не сводя с нее восхищенного взгляда. — Ночевали хорошо, не беспокойся!

— А я и не беспокоюсь! — вспыхнула вдруг Настя. — Подумаешь!.. — Она круто повернулась и скрылась в аппаратуре.

Вечером, когда Настя кончила дежурство, Степан вызвался ее провезти. Они медленно шли по темным улицам, Настя рассказывала о репетиции, о том, как ругался режиссер, что Степан не пришел. Вот они уже приближались к дому, остановились возле калитки, а Настя все рассказывала и рассказывала, вспоминая детали, которые сейчас ей представлялись особенно важными. Она говорила, казалось, обычные слова, но в интонации голоса, в доверчивом взгляде, в ее жестх Степан угадывал ответ на свое признание, которое ему так и не удалось вчера закончить.

г. Кызыл-Орда, Казахская ССР.

Мария Кулинова работает сборщицей на Свердловском трансформаторном заводе. Молодая производственница ежедневно перерабатывает тонны отличного качества. Сейчас Мария монтирует трансформаторы, которые будут отправлены на целинные земли.

Фото И. Шубина.

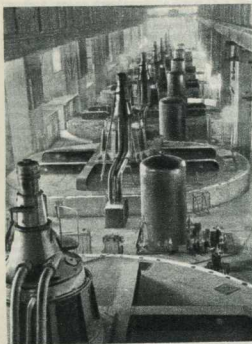
г. Свердловск.

Комсомолы Одесского института инженерно-морского флота провели ценную творческую инициативу — своими силами они построили большой спортивный зал. Успех волевыми усилиями, и теперь они приступили к сооружению плавательного бассейна. Здесь вы видите (слева направо) секретаря комсомольской организации института Коммунистическую организацию и студентов Василия Золотского и Владимира Захарова. Юноши заняты инвентаризацией для будущего бассейна.

Фото А. Фатеева.

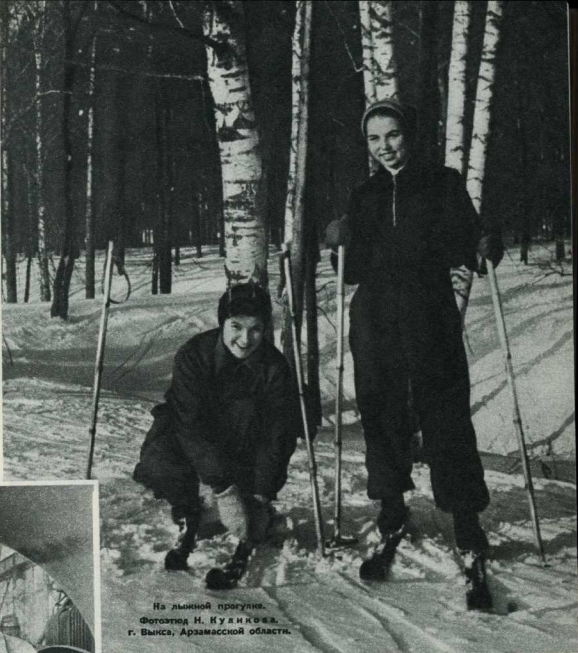
г. Одесса.

Новый, 1957 год строители Горьковской ГЭС встретили большой производственной победой — гидроэлектростанция вступила в строй на полную мощность. Этот снимок турбинного зала сделан во время монтажа последнего, восьмого, агрегата электростанции. Сборка его проводилась крупными узлами.

Фото В. Бородина.

г. Горький.

На лыжной прогулке.

Фотограф И. Куляковский.
г. Выкса, Арзамасской области.

Петр Барабашов, Василий Шитлев и Алексей Конкин — будущие электростроители. Они учатся в Белгородском специальном училище № 15. Для того, чтобы всесторонне овладеть профессией газосварщика, стать настоящими мастерами своего дела, друзьям приходится немало трудиться. Их нередко можно видеть в заводских цехах. Опытные производственники внимательно следят за работой учеников, объясняют непонятное. Фотограф Н. Максимов сделал этот снимок в тот момент, когда передовик труда электросварщик Лесник Бабин рассказывал молодым рабочим об особенностях действия сварочного аппарата.

г. Белгород.

Выдающийся русский художник-демонстрат Николай Александрович Ярошенко — автор картин «Студент», «Курсистка», «Невский проспект ночью», «Кочегар», «Заключенный», «Всюду жизнь», портретов Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого и многих других замечательных полотен — последние годы своей жизни провел в Иксоводе. Грудящийся города чтит память живописца. На его могиле установлен памятник и бронзовый бюст; на улице, на которой проживал художник, и городской средней школе № 3 присвоено его имя.

В 110-летнюю годовщину со дня рождения Ярошенко, которая отмечалась в декабре прошлого года, учащиеся школы № 3 организовали выставку, провели беседы о жизни и творчестве художника. Группа школьников вместе с учителем рисования Т. М. Головиной побывала у памятника Ярошенко.

г. Иксоловде.

Фото П. Алексеева.

Домик Терезы Сукхиной в Поронино, где жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская.

ЛЕНИНСКОЕ ПОРОНИНО

(ДВЕ КАРТИНЫ С ЭПИЛОГОМ)

Неприметное местечко Поронино, расположенное в горах возле Кракова (Польская Народная Республика), широко известно трудящимися всего мира. Здесь летом в 1913 и 1914 годах жил вождь международного пролетариата Владимир Ильич Ленин. Здесь 5—14 октября 1913 года под руководством В. И. Ленина проходило историческое «Августовское» совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, принявшие важнейшие решения: о задаче агитации, по организационному вопросу и по партийному съезду, о стачечном движении, о партийной печати, о будущей социал-демократической Франции, о работе в легальных обществах и о тактике противостояния по национальному вопросу и о народинах.

Это была боевая программа действий партии.

В одном из небольших деревянных домов в Поронино сейчас открыт музей. Попадают сюда с основательством, в которой находился Владимир Ильич, принимают сюда многочисленные делегации, а также туристы на разных столах.

Человеческий журнал «Свет Советов» в номере 45 на минувший год опубликовал небольшой литературный сценарий «Ленинское Поронино», сделанный по впечатлениям Митрослава Янаова, побывавшего в экскурсиях в музей.

Сегодня в «Смене» мы воспроизводим этот материал с фотографиями Стефана Знолинского.

Картина первая

Небольшая горная хижина Терезы Сукхиной, комната в мансарде, обставленная, как скромный рабочий кабинет. Деревянные бревенчатые стены с закопаченными щелями. Под потолком керосиновая лампа, бросающая слабые блики света. Сзади в углу высится кирпичная печь, рядом деревянные кровати. Направо, обуху от окна, через которое виднеются удаленные в сумерках Карпатские горы, стоит стол и обыкновенный стул, на котором разложены книги, бумаги, стопки газет с чернилами. Справа, через полуоткрытые двери, видна лестница, ведущая наверх. На стене маленькая книжная полка. Рядом с окном двери на веранду.

Вечернее; ади, в других домах Поронино, зажигаются огни — они хорошо видны из окна.

Август 1914 года...

Слышится шаги по деревянным ступенькам. Открывается дверь, и в комнату входит невысокий человек с дорожным чемоданом. Точно определить его возраст трудно, но ему около сорока. Светло-русые волосы, высокий лоб. Светлая борода придает лицу энергичное выражение. Он снимает простое серое пальто, секунду стоит в нерешительности, как бы размышляя о чем-то, потом усмехается тихонько,

открывает чемодан и ставит на стул. Медленно перебирает, просматривает бумаги на столе и укладывает в чемодан. Задумчиво перелистывая какую-то книгу, подходит к книжной полке. Сначала хочет поставить книгу, но вдруг берет в охапку содержимое полки и, свалив все на стол, начинает одну за другой складывать книги в чемодан. Еще раз обходит помещение, осматривая, не осталось ли чего, пересбавывая через руку пальто, берет чемодан и уходит. У двери задерживается на минуту, возвращается и аккуратно поджигает фитиль лампы. Язычок пламени слабее, гаснет.

Темнота.

Слышно, как хлопнула дверь. Скрипят ступеньки.

Владимир Ильич Ленин уезжает в Швейцарию.

Картина вторая

Большое, просторное помещение в доме горца Павла Гута в Поронино оборудовано, как современный музей. Деревянные стены покрыты коричневой краской, щели закопачены белым войлоком. Вдоль стен — витрины с фотографиями, журналами, книгами, на стенах — заставленные картины, фотопортреты рукописей, плакаты. Большие окна, за ними виден зеленый

луг, небольшое искусственное озеро, а около него скульптура Ленина.

Ясный августовский день 1956 года. Из дверей справа выходит экскурсовод, молодой черноволосый поляк. За ним — несколько туристов.

— Вот здесь они собирались, — продолжает экскурсовод начатый рассказ. — Места тут было достаточно: в нижнем этаже пять помещений и передняя, на втором этаже также пять комнат. Здесь проходили совещания и собрания революционеров, которыми руководил Ленин. До глубокой ночи шли дискуссии, члены большевистского ЦК совещались по вопросам подпольной работы. Ленин часто приходил сюда, иногда оставался здесь и на ночь.

— Простите, а где же он жил?

— В 1913—1914 годах, когда Ленин находился тут в эмиграции, Поронино было маленьким деревушкой. Основным источником существования горцев была сдача в наем туристам и другим посетителям Закопане квартир, а иногда и домов целиком. В таком доме, ничем не отличающемся от соседних хижин, и жил Ленин. Сейчас этот дом восстановлен.

— А почему Ленин выбрал именно это место?

— Ленин пришел сюда, собственно, из-за болезни своей жены, Надежды Константиновны. До лета 1912 года они жили в Кракове. Краков расположен близко к границе России, а Ленину нужен был тесный контакт с русскими революционерами. Но когда заболела Надежда Константиновна, врачи порекомендовали ей поменять климат, перебраться в высокогорную местность. Таким местом могли быть Татры. Но Владимир Ильич не пожелал ехать туда: там очень холодно, неспокойно. Он выбрал эту деревушку, Поронино: она в ста километрах от Кракова, неподалеку от Закопане, воздух тут тоже горный, так что жена его могла лечиться.

В Поронино он снимал три комнатки в домике Терезы Сукхиной: внизу была спальня, по другую сторону коридора жила мать Надежды Константиновны, которая и готовила и вела хозяйство, а в мансарде был рабочий кабинет Ленина. Жили скромно, даже бедно. Они провали в этой деревушке два лета: с июня по октябрь в 1913 году и с июня по август — в 1914-м. Комнаты в домике Терезы Сукхиной были маленькими, поэтому все более или менее теплые совещания проходили в доме Павла Гута, где теперь помещается музей.

Отсюда, из Поронино, Ленин с Надеждой Константиновной и друзьями совершал далекие прогулки в Татры, были они на Рысах, у «Морского оврага». Это километров 60 отсюда, путь порочный, и все пешим ходом. Работал он много, написал здесь около 300 статей. Смотрите, вот лежат фотопортреты, конверты писем, которые ему сюда приходили...

Туристы склоняются над витринами, рассматривают десятки цветных конвертов с иностранными марками, рукописи с энергичным, уверенным почерком. На стене висит фотография Ленина, сделанная в Закопане в 1914 году. — Смотрите, а позиция не следовала здесь зная? Ведь тогда, если не ошибаюсь, эта польская территория входила в Австро-Венгрию... А австрийская жандармерия так же, как и царская, преследовала социалистов...

Здесь, в горах, место было тихое — лес, у «Морского оврага», правда, до эмиграции полиция дошла сюда, что тут кто-то поселился. Стали высматривать, но ничего не пронахали. Ленин был осторожным и опытным подпольщиком. Только в начале первой мировой войны сделали у Ильича обсы в доме. Вась домик Терезы Сукхиной перевернули, но ничего не нашли. На второй день, 8 августа, В. И. Ленин все-таки арестовали и посадили в тюрьму в Новом Тарге. Это ближайший уездный город...

Экскурсовод приглашает посетителей к витринам. Тут фотографии тюрьмы в Новом Тарге, камеры, в которой находился В. И. Ленин, протоколы допроса. Несколько подаяла — фотографии трех польских писателей: Яна Каспровича, Владислава Оржана и Стефана Жеромского.

— Не можете ли сказать, почему здесь были фотографии этих писателей? — спрашивают туристы.

— Это мужественные люди, — отвечает экскурсовод. — Вместе с польскими социалистами

они боролись за освобождение Ленина из заключения. Фронт тогда приближался к Новому Таргу, и вы можете себе представить, что было бы, если б царская полиция схватила Ленина... Все зависело от быстроты действий. Поэтому польские революционеры требовали освободить Ленина.

Власти упорствовали, но под воздействием общественного мнения наконец согласились: Владимир Ильич был выпущен и быстро переехал из Поронно сначала в Краков, а затем в Швейцарию, где оставался до самой революции...

Из окна музея видна скульптура Ленина. Экскурсовод открывает окно и жестом указывает на скульптуру. Все стоят и молча смотрят вдалеку.

Эпизод

Сиромыч паломник, ты выходишь тихо из музея и чувствуешь себя торжественно и просто. Пройдешь несколько шагов и остановишься, посмотришь вокруг. Дом Павла Гута — теперь музей Ленина — подымается высоко и гордо. Позади, там, где устремляются в небеса вершины Татр, заходит солнце. Из деревни доносятся молодой смех, песни.

Здесь жила Владимир Ильич. Здесь он ходил, размышлял, работал. По этой траве он, может, шел к речушке... Это так необычно и в то же время так обыденно. Трава, луга, цветы, деревья — все, как везде, и все-таки не так. Как будто каждый предмет, каждая былинка около тебя дышит чем-то особенным, необычайным...

Иногда молчание лучше любых возвышенных речей. Здесь покой и мир. Над лугом тянутся белые туманы. Мы уходим, чтобы никогда не забыть этих мест.

Сокращенный перевод с чешского.

Вверху: Живописное озеро «Морское око», куда часто ходят на прогулку Владимир Ильич.

Слева: Окрестности Поронно — прекрасный вид, спокойствие и тишина, так необходимые для размышлений.

Справа: Водопад у Пяти польских озер и сейчас натянута по скалистым ступеням с таким же шумом, как и в те дни, когда здесь бывал Ленин.

В круге: Владимир Ильич на прогулке во время пребывания в Поронно.

Год назад, 17 марта 1956 года, от серо-голубых ледяных круч берега Правды отходил последний корабль советской антарктической экспедиции. Было пасмурно, дул шквальный, студеный ветер. С востока наползали черные туманы, преобладавшие ураганы. С каждым часом темнее становились айсберги, бледные нежно-голубые трещины, мрачными глыбами рисовались ржавые скалы, на которых утвердился Мирный. И только государственный флаг Страны Советов, поднятый над сопкой Комсомольской, ярко выделялся среди мзурных тонов Антарктиды.

С аэродрома Мирного торопливо влетали крылатые вертолеты. Заключившая перевозка строителей, моряков и ученых к борту «Лены». Не забыть последний полет: через круглый иллюминатор кабины вертолета виден был аэродром, стоявшие на нем самолеты, опустевший научный городок — зимовищник собрался на сопке Комсомольской. Мелководная ледяная барьяр, пропавшие ледяные поля, острове Хасула — и вот уже борту «Лены».

Дробя льды, обходя плавающие ледяные горы — айсберги — «Лена» подошла к берегу Правды. Как на торжественном параде, украшенная флагами расцветания, она развернулась около Барьера отающих, где разгудалась героический корабль, отсалютовали зимовищник и пошла на штурм Омерзевости смерти — ледового пояса Антарктиды.

Долго виднелась фигура зимовищника на лобастой сопке. Люди размазались шапками, пуляки в серое небо ракеты, струили из ружей. В краю неистовых боры остались на долую полеруку зинку отающие исследователи. Вспомогательные подразделения «Лену», разослали по домам, приступили к будничной работе.

А сейчас около берега Правды — на зинку — приблудились корабли. В Антарктиду приблудил суда «Обь», «Лена» и «Кооперация» с грузами для Мирного и смежной зимовищников. После долгой разлуки друзья встречались вновь. Новички выходят на ледяной берег, заглядывают в бездны темноголубых трещин, осматривают посылки. Они слушают рассказы о жизни на труднейшей станции, читают отчеты о проделанной научной работе не только в Мирном, но и на выносных станциях Пионерская и Оазис, советуют, как лучше провести миссии, отащить зимовищнику 1957—1958 года.

Неискушенный читатель спросит: зачем нужно было, затравившая большие усилия и средства, проложить первую антарктическую экспедицию, направлять в отдаленные места Антарктиды отважных и смелых исследователей? Для чего вновь приблудились советских кораблей к обледенелым берегам шестой части света?

ЛУНА И АНТАРТИДА

После открытия Антарктиды мужественными русскими моряками и учеными прошло 138 лет. За эти годы на шестой континент побывало более ста научных экспедиций. В ледяных пустынях трудилась выдающиеся исследователи — Амундсен, Скотт, Дуг-

лас Моуссон, Росс, Шеклтон. Однако разрозненные усилия героических и многих усилий не позволили всесторонне и полно изучить эту землю.

Гигантским белым пятном, очерченным на карте лишь береговой линией, лежал и сейчас, в наши дни, таинственная, мертвая, далекая Антарктида. Загадками своих глубин и атмосфер поражает страна ледяного безмолвия, страна «белой смерти».

«На краю нашей планеты», писал известный американский исследователь Антарктиды адмирал Бурд,— лежит, как спящая принцесса, материя, закованная в голубое. Зловещий и прекрасный, он лежит в своей морозной драматичности, в складках мантии снега, свисающего амфитеатрами и изумрудными льдами. Он спит... и его горизонты очерчены розовыми, золотыми и голубыми тонами пастели. Такова Антарктида... материя, который по площади почти равной Южной Америке... и внутренние области которого нам известны фантасмическим, чем освещенная сторона Луны».

Действительно, сравнивая карты Луны и Антарктиды и невольно горючаешься, что сейчас, в середине XX столетия, мы, люди, раскрывшие извечные тайны физических явлений, Потребности в такой единой совместной работе ощущались давно и служила темой бурных обсуждений в академиях еще в XIX столетии. В 1882

году был проведен первый Международный геофизический год — год объединенных усилий ученых,— потребовавший большого мужества от его участников. Тогда в одной из экспедиций, организованной американцами в Провинции Франклина, погибло от болезни и голода дежидатный человек. Но трагедия и недостатки первого Международного геофизического года не остановили ученых: ровно через 50 лет — в 1932 году — был проведен второй Международный геофизический год, в котором приняли участие советские ученые. И вот теперь, в 1957 году, произойдет крупнейшее событие XX века — множество ученых займется исследованием по комплексной программе. 140 советских кораблей — плавучих лабораторий — будут бороздить моря и океаны, изучая подводный мир, процессы водообмена. В пустынях, на горах, в тундрах, в тайге — повсюду нынут работу сотни метеорологических станций. В небо поднимутся бесчисленные самолеты-зондировщики. Впервые человечество взглянет даже в сверхдалекие слои атмосферы: ученые СССР и США готовятся к потрясающему по своей значимости событию — запуску на высоту более 1200 километров искусственных спутников Земли. Поднятые силой мощных ракет, они совершат, как настоящие спутники, полеты вокруг земного шара, оповещая по радио о состоянии той части атмосферы, где близка грань космоса. Наземные и воздушные наблюдательные партии, спутники Земли, корабельные лаборатории дадут огромный материал для гигантских вычислительных машин: только кибернетическая техника сможет обработать бесчисленные новые данные о жизни Земли.

Международный геофизический год начнется в 0 часов 0 минут 0 секунд 1 июля 1957 года и продлится 18 месяцев — до 31 декабря 1958 года. Выбор именно этого времени не случаен: в этот период произойдет усиление солнечной активности. Усиление различных процессов на Солнце достигнет наибольшей интенсивности примерно через каждые 11 лет.

Единение усилий ученых многих стран во время Международного геофизического года особенно ярко и полно проявится на ледяных куполах Антарктиды. Суровая природа, жестокие испытания, подстрекающие человека на каждом шагу, неистовые ураганы и ледяные души морозы потребовали большой подготовительной работы, заблаговременного создания на берегу шестого континента научных станций. Академия наук СССР и Главное управление Северного морского пути еще в 1955 году организовали первую комплексную научную антарктическую экспедицию, создавшую на берегу Правды городок науки Мирный.

Год работы зимовищников в Мирном позволил получить представление о береге Правды, создать станции Пионерская на толще льдов высотой более 2 тысяч метров и Оазис — среди темных каменных сопос, окруженных ледниками, в оазисе восточнее. Но только начало. Прибывшая сейчас в Мирный континентальная экспедиция, руководимая Героем Социалистического Труда Л. Ф. Трешниковым, проведет обширные наблюдения и создаст с помощью строителей, летчиков и водителей тракторов и вездеходов в труднодоступные выносные научные пункты. На южной полосе относительной недоступности и геомагнитного полюса — станции Советская и Восток.

Тяжко сказать «создасть», но чрезвычайно трудно будет выполнить подобную задачу. Как проинуть в отдаленные районы безлюдных пустынь, вознесенной на высоту в 3500 метров? Обычный самолет может там совершить посадку, но у его двигателя не хватит мощности, чтобы взлететь даже после долгого разбега. Стоит заглохнуть там, на ледяные, тракторы, вездеходы, вертолеты, умятятся навсегда. Как работать на ледяном щите, когда кислородное голодание будет мучить людей, вызывать сонливость, апатию, бред, а в тяжелых случаях — кружение? Как строить дома, научные лаборатории, устанавливать радиомачты, если каждый шаг неминуемо труден?

Представьте себе на минуту ледяной лавин, выходящий из тундру равнину, тающуюся на тысячах километров от крошки океана до полюса. Пустыня сковавшая жестокий морозом, исчерпанная крепкими, как сталь, засухами и окутана порой такой густой синевенной дымкой, что только в зените тусклым пятном виднеется солнце. На этой равнине, млеяющей ледяными авокадо, в местах, где не ступала нога человека, волею, разумом, упорством и силой советских людей будут построены станции.

Задачей для отающих отряд строителей, его инженеры В. С. Сомов, В. Куини, М. Агеев проводили тренировки скоростной сборки

НА ЛЕДЯНОМ ЩИТЕ АНТАРКТИДЫ

Е. РЯСНИНОВ

щитовых домов в самых сложных и трудных условиях; в барокамере и в горах тренировались ученые, врачи, радисты, водители вездеходов. Для штурма двух полюсов в Антарктиду — геофизического полюса и полюса относительной недоступности — подобраны самые сильные, самые крепкие, выносливые и испытанные люди. Они вооружены отличной техникой. Летчики авиационных отрядов Героев Советского Союза П. Москаленко и И. Мазурука поведут к полюсам специально оборудованные самолеты. По ледникам тронутся «снежные караваны» — санно-тракторные поезда. Они доставят все необходимое для сооружения станций Восток и Советская. Кроме того, особый внутриконтинентальный отряд под руководством профессора П. Шумского совершит беспримерный поход по ледяной пустыне. В пути ученые будут проводить геофизические, метеорологические, гляциологические исследования, сейсмическую разведку, толщину ледового щита континента.

Совместно с учеными экспедиции других стран советские исследователи решат многие загадки Антарктиды. Например, сейсмическая разведка позволит определить, что же представляет собой шестая часть света — материк или гигантский архипелаг островов!

Помимо огромных исследований на просторах ледяных равнин Антарктиды, советские ученые проведут на кораблях «Обя» и «Лена» под руководством профессора И. Максимовича большие исследования в южно-полярных морях. Плавающая лаборатория «Обя» пройдет за 7 месяцев 35 тысяч миль в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. В это время будут проводиться исследования рельефа дна, подводных хребтов и впадин, островных дуг, жизни в океанических глубинах.

В Антарктиде советские исследователи уже установили дружеские связи с научными работниками экспедиций Австралии, Франции, США, Англии и других стран. В Мирном уже побывали в гостях австралийские ученые вместе с профессором Филиппом Лоу, советские ученые встретились в Австралии с известным исследователем Антарктиды профессором Дугласом Моуссоном. Высокий, прямой, очень деятельный семидесятичетырелетний ученый, внимательно и подробно ознакомившийся с работами советской антарктической экспедиции, дал мне интервью. «Советская экспедиция», — сказал он, — организована очень хорошо и уже многое сделала. Чрезвычайно удачно выбрано место для строительства Мирного. Все нас радует, что советская экспедиция является подлинно мирной научной экспедицией. Участие России в проведении Международного геофизического года придаст всем работам особенно большое значение.

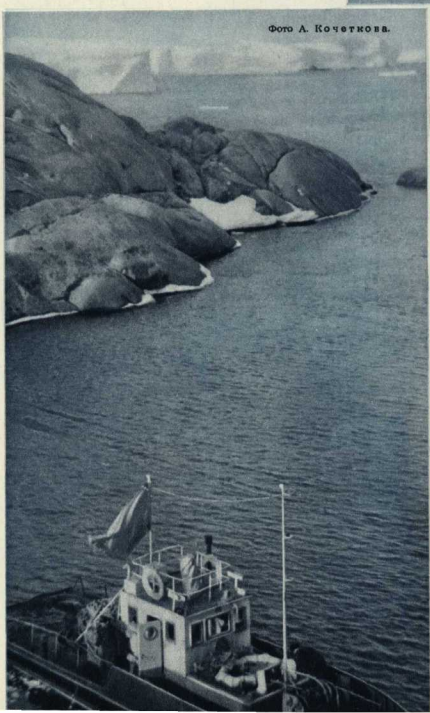
...Сейчас, в эти дни, на ледниках Антарктиды развертывается невиданная по масштабам подготовка к штурму земель тайны. Молодые строители, ученые, водители вездеходов и тракторов, авиаторы, моряки, связисты заняли уже исходные позиции для героического наступления в ледяных пустынях во имя науки, во имя блага человечества.

Фото П. Варашева.

Все снимки, помещенные здесь, сделаны в Антарктиде, у поселка Мирный — центра первой советской комплексной экспедиции. На фото слева сверху вы видите группу ученых, занятых исследованием ледника. Когда выдается свободное время, членам экспедиции — любителям спорта — не упускают возможности поиграть в волейбол. Правда, вместо болельщиков на встречах присутствуют сто пингины (фото справа сверху). По снимку, расположенному слева внизу, вы можете представить себе, как выглядит берег у Мирного. На последней фотографии запечатлен географ Коротких. Он разбирает свою коллекцию мхов.

Фото А. Кочеткова.

ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

ИЗ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО АЛЬБОМА Н. ЖУКОВА

г. Леринце. Во внутренних покоях дворца.

Осенью прошлого года мне довелось целый месяц провести в Чехословацкой республике. Я ехал туда с целью собрать материал о народном герое Юлиусе Фучике. Мне хотелось познакомиться с людьми, которые встречались с ним, увидеть места, где он жил и работал, узнать поближе его соотечественников, его страну. Но в первый же день приезда в Прагу я понял, что ограничиться только одной этой темой не смогу. Прага с ее неповторимыми старинными улочками и домами, Влтава, прекрасные мосты через нее, дороги страны, древние замки, города, села и, главное, люди, которых приходилось встречать во время путешествия — все волновало меня как художника, как советского человека, приехавшего в гости к друзьям и увидевшего, что эти друзья строят прекрасную, новую жизнь, любят свою родину, гордятся ее героическим прошлым. Куда бы я ни попадал, мне всюду хотелось рисовать. И скоро я понял, что это только на первый взгляд казалось, будто меня еще привлекают какие-то другие темы, не связанные с жизнью Юлиуса Фучика. Нет!

Все, что я видел в молодой республике, имело прямое отношение и к нему.

Вот Карлов мост — самый древний из пражских мостов. Этот мост очень любил Фучик. Часто, возвращаясь из редакции, он подолгу стоял здесь, прислушиваясь к тихому журчанию воды, а потом поднимался на Градчану и любовался оттуда красавицей Прагой, всегда подчеркнутой легким сиянием мрамора.

В черные дни гитлеровской оккупации около одной из скульптур моста, изображающей томившихся за решеткой пленных чехов, запертого их турка и ангела с мечом, занесенным над поработителями, каждую ночь появлялись живые цветы. Утром жандармы выбрасывали их в воду, а на следующую ночь невидимая рука возлагала их снова. И гитлеровцам ничего не оставалось делать, как поставить их скульптуры охрану. А жители Праги проходили и улыбались: рядом с каменным турком и яничаром стоял живой гитлеровец, и над обоими возвышалась фигура ангела с карающим мечом.

Когда я посещал школы и детские сады, когда видел на улицах здоровых, улыбающихся

г. Милкулов. На старой улице.

зывается, возвратиться в 1930 году из Советского Союза, он обобщил всю Чехословакию и прочел более трехсот лекций, а потому рассказывал о стране победившего социализма, о строительстве коммунистического общества.

Можно смело сказать, что все увиденное мною, все мои рисунки, в том числе и те, которые помещены на этих страницах, входят в одну обширную тему — тему о жизни народа Чехословацкой республики и о его верном сыне Юлиусе Фучике.

Н. ЖУКОВ.

народный художник РСФСР.

В кафе.

ся ребятки, когда рисовал детей, одетых в живописные национальные костюмы, я думал: ведь это то поколение, за счастье которого Юлиус Фучик отдал свою жизнь.

Иногда я заходил в одно из бесчисленных кафе Праги и принимался делать зарисовки интерьера и посетителя. Ведь я знал, как часто свои злободневные, дышащие гневом статьи Фучик писал именно в таких маленьких кафе, за чашкой кофе.

Мы посетили театр «Дивадио-34». Судьба этого театра также связана с именем Юлиуса Фучика. В 1942 году театр, который первоначально был лишь ностальгическим свечением старых приемов, форм, превратился в трибуну, с которой звучали слова народных героев, слова протеста против опрощения чехов. Здесь шли пьесы чешских драматургов, исполнялись песни чешских композиторов. Это был протест против уничтожения чешской национальной культуры, и вдохновителем его явился Юлиус Фучик.

Два дня я провел в военной части имени Фучика. Когда-то он проходил здесь военную подготовку и вел работу агитатора.

Провозя по многим городам и селам, мы узнавали, что и тут бывал Юлиус Фучик. Ока-

Подруги.

Соседни

Мальчик из детского сада.

г. Прага. Карлов мост.

г. Табор. У здания народного суда.

Н. ШИШКИН.

«На севере диком».

НЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. И. ШИШКИНА)

Если вы бывали в северных русских лесах, видели неогороженные дали с голубою-синими на горизонте озерами, слышали, как покрывают земные стволы, если вы бродили в вечернем сумраке по затихающему сосновому бору, наслаждались картиной волнующейся под ветром в тихой понавазавшей степями колосыми ржи, вы легко поймете суровую и мужественную поэзию полонит замечательного русского художника Ивана Ивановича Шишкина.

Можно без преувеличения сказать, что половину всей своей жизни Шишкин провел в лесу. Он изучал лес: словянина береза, причудливое сочетание сучьев, неприглядные лесные цветы и папоротники, полусгнившие пни — все привлекало его пылтивный взгляд. В высоких огибавших сапогах, в дорожном костюме, с этюдником и мольбертом художник прошагал по родному краю не одну сотню километров. «Шишкин как человек изучает своими познаниями», — писал Крамской. Это слово — школа.

«Рисовать любит почти все дети. Но будущие художники рисуют особенно много и упорно. Маленького ребенка часто видели за этим занятием. «Моя и уготь не исчезали из его рук», — вспоминает двоюродная сестра художника Е. В. Шишкина.

Он — сам из лесов — хотел видеть сына торговцем или чиновником. Поэтому после окончания уездного училища молодого Шишкина определили в Казанскую гимназию. Но, проучившись в ней несколько лет, он в 1849 году возвратился в Елабугу, завыяв родным, что в Казань больше не поедет. «Боялся сделаться чиновником», — объяснял позднее своей поступок художник.

В родной Елабуге ювуща целыми днями бродил по окрестным дремучим лесам, много рисовал. Когда в Елабугу приехали различные искусствоведы рассматривать сбор, Шишкин быстро сдружился с ними. От одного из них, Осипа, узнал, что в Москве недавно открылось Училище живописи. Пошлимо туда.

И вот Шишкин в Москве, а затем с 1856 года в Петербургской академии художеств.

То было бурное время. Крымская война 1853—1856 годов показала, что крепостнический строй царской России изжил себя. По всей стране подымались крестьянские бунты.

О настроении Шишкина те лет убедительно говорят такой факт. Весной 1858 года петербургские литераторы проходили в Москву известного цензора Н. Ф. Краузе, который разрешил к печати не одно свободное произведение. Привестственный адрес Н. Краузе подписали Чернышевский, Некрасов, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Гончаров... В провах участвовали и молодые академики. Об этом рассказывает в рукописной статье «Художник и студент», сохранившейся в архиве Шишкина. Есть основания предполагать, что в написании ее принимал участие и Шишкин.

В статье говорится: «...Многие у нас воображают, что и в самом деле художник имеет право отгородиться от общественной жизни и малавать мирные картины, которые не освещают общество, а убеждают во тьме предрассудочных верований. И они воображают, что доставляют публике эстетическое наслаждение, развивают вкус». Авторы статьи требовали от художника «сжиться с русскими вопросами, заинтересоваться судьбой нашего общества».

Академические занятия Шишкина шли успешно. Его колоссальная работоспособность и трудолюбие поражали всех. Совет академии поручил Шишкину золотую медаль, которая давала право на заграничную поездку.

Но художник не спешил за границу. Он попросил разрешения остаться на некоторое время в России и, получив согласие, уехал в родное Прикамье. Липов спуска Шишкин отправился сначала в Германию, потом в Швейцарию.

В письмах к родным и друзьям он часто вспоминал Россию. В дневнике, который он вел, есть такая запись: «Сажу и грустно насиставляю лесные русские; много еще предстоит скучного и грустного вперед, делится впечатлениями не с кем... Чорт знает, зачем я здесь, зачем я сижу в юмере Штадт-Кабури, отчего я не в России, я ее так люблю... Таков настроен не покидало Шишкина за границей. Не выдержав, Шишкин раньше срока, в 1865 году, возвратился в Россию. Он не

бывал даже во Франции и Италии — так было сильно желание увидеть родину.

Вскоре после приезда Шишкина в Россию на художественных выставках стали появляться озада другой его картины: «Рубка леса», «Полдень», «Сосновый бор», «Рожь», «Среди долины ровныя», «Лесные дали», «Утро в сосновом лесу», «Дождь в дубовом лесу».

До Шишкина в русском искусстве были, говоря словами Крамского, «пейзажи андулманы». Только Сильвестр Шедрин и Михаил Лебедев являлись здесь исключением, но они писали итальянские пейзажи. Шишкину вместе с Саврасовым принадлежит к нашему искусству великая заслуга: они утвердили русский национальный пейзаж.

Широкие просторы родной земли.

«Ее степей холодное молчанье. Ее лесов безбрежные холмыные. Разлив рек ее подобие морям»... —

были предметом изображения художника. Современники назвали картины Шишкина воплощением перелом, демократических идей, хотя в них и нет образов революционеров-пропагандистов, как у Репина или народа, как у Сурикова. У Шишкина мы видим поля и степи, реки и долины, но чаще всего леса. На обороте одного эскиза к картине «Близ Елабуги» Шишкин написал: «Раздолье, простор, угодье, рожь... благодать. Русское богатство». Эти слова помогают нам понять, что художник изображал не просто лес и рожь, а великие богатства родной земли. Вспомним в связи с этим слова одного из героев чеховской пьесы «Три сестры», которая, глядя на могучий лес, восклицает: «Ка-

Портрет И. И. Шишкина работы художника И. Крамского.

кие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!»

Воспевав мощь и красоту природы, Шишкин мечтал о новой, красивой жизни. Он и был близок к этому мечте, он был близок к демократическому движению второй половины XIX века. Этим он близок нам, советским людям.

Целью мир русской души выражал Шишкин в своих творениях. И не случайно его пейзажи всегда занимали на выставках первые места.

В замечательном братстве художников — Товариществе передвижных художественных выставок — Шишкин имел огромный авторитет. Он был членом-учредителем товарищества. С ним сотрудничали Репин, Васнецов, многие русские художники.

Идейный возни перенесников Крамской внимательно следил за талантом Шишкина. В 1872 году, когда еще не были созданы шедевры Шишкина — «Рожь», «Лесные дали», «Утро в сосновом лесу» и другие лучшие картины, когда талант Шишкина только набирал силу, Крамской писал Федору Васильеву, что Шишкин производит впечатление неотъемлемое, но что было бы, если бы у него была еще струнка, которая могла бы обматывать в пеньюк.

Помните ли вы картину Шишкина «Среди долины ровныя»? По холмистой беспредельной равнине бегут течи от облаков. У горизонта извивается глубокой зерой в голубоватую эту красавицу-великана, возмущающего собой необъятные силы народа... Широкая, раздольная песня, навеянная Шиншиным, слышатся издалека, России. Все творчество этого замечательного художника было песней во славу Родины, ее великого будущего. Эта песня вот уже целое столетие звучит, не ослабевая, в сердце народа.

В. ВОРОНОВ

И. И. Шишкин. «Среди долины ровныя»...

О счастье,
о счастье...

Большое желание

А. ТВЕРДИНОВА,
васлуженная учительница РСФСР

На пороге нового года, думая о будущем, всегда хочется, чтобы что-то изменилось в твоей судьбе, хочется счастья, большого, желанного...

А в чем оно, это самое счастье? Я где-то слышала, что человек, дескать, никогда не говорит о счастье в настоящем времени, ибо житейские мелочи и неурядицы часто заслоняют ему хорошее, радость, что жизнь, к сожалению, состоит не столько из воскресных, сколько из понедельников. И лишь впоследствии, когда забудутся огорчения повседневности и в памяти останутся одни радужные воспоминания, только тогда человек скажет: «И был счастлив!»

Позвольте мне не согласиться с этим утверждением. Конечно, приятно гулять по цветущему саду, наслаждаться красивыми видами, вдыхать ароматы лета. Но в саду, как сказал один поэт, есть счастье садовника и счастье майского жука». Кто созидает, творит, тот знает, что настоящее счастье немисливо без труда, без понедельников, вторников и других дней. У тех же, чья жизнь состоит из одних воскресений, по моему, все дни на одно лицо, внешне, может быть, и яркое, но внутренне пустые. Я уверена, что бездельники очень скудно живут, да и вспомнить ему в ночь под Новый год нечего.

В январе 1955 года коллектив школы № 1 Октябрьской железной дороги, где я работаю тридцать пять лет, решил отметить мое шестидесятилетие и сорочковому годовщину педагогической деятельности. Собрались учителя, пришли некоторые мои бывшие ученики, родители. Подраивали, говорили теплые слова, и я, признаться, сила в президиуме, расплакалась, хотя и неудобно как-то было. Встала передо мной вся моя жизнь, и мелким, очень обогим показало мне то счастье, о котором я мечтала девочкой.

В рождественские и новогодние ночи на улицах нашего села Пятинского, в бывшем Звенигородском уезде, можно было видеть, как девушки с зоркой внимательностью, как вальсы, гадали на воске, на кофейной гуще... И каждая загадывала только одно, мечтала лишь об одном: о хорошем муже, о счастье в собственном доме, о достатке маленького ребенка.

Но вот пришла революция, и

наш кругозор, наши требования и идеалы стали шире, выше, крылатее. Правда, и сейчас еще иногда среди молодежи упорно держится старое представление о счастье, которое когда-то высмеял Владимир Маяковский:

...квартирку в 6 в наем!
Свои сундуки да калеты!

И угол мой, и хозяйство мое —
и мой на стене портретик.

Нет, революция не отменила, не уничтожила законного и естественного стремления человека к личному счастью. Она сделала это счастье более достижимым, прочным, красивым, и я убеждена, что каждый живущий сегодня лишь для себя не может быть по-настоящему счастлив.

Я вспоминаю одну встречу, случившуюся года три назад. Во время детских каникул мое со школьниками пришлось совершить прогулку на теплотрассе по каналу имени Москвы. Ох, как трудно уследить за любопытными

ребятами, которые, попав на «настоящий корабль», лезут в машинное отделение, перевешиваются через борт, карабкаются на капитанский мостик! И хотя родители некоторых учеников, отправившиеся на экскурсию вместе с нами, по мере сил помогали мне, я все-таки вынуждена была почти безостановочно бегать по теплотрассе, наводить порядок. Устав, я подыкала на капитанский мостик, чтобы оттуда наблюдать за палубой. Стою, смотрю вниз, время от времени грожу какому-нибудь шалуни пальцем или качаю головой. А рядом со мной стоит капитан и так пристально на меня глядит, что мне даже человеку как-то сделалось. И вдруг спрашивает:

— Александр Иванович, вы не узнаете меня?

Я развожу руками: не узнаю, дескать. А он улыбнулся и говорит:

— Конечно, трудно узнать, двадцать лет прошло. Сколько вы за это время такти, как, выучили!

А мы вас никогда не забудем; вы ведь первая наша учительница. Я Коля Круглов...

Обнял меня, целует. Обкружил нас ученики, родители их, матросы.

— Александра Ивановича, это сын ваш? Да?

Я раступовалась, даже говорить не могу, а Коля обвел всех взглядом и гордо так сказал:

— Да, это моя вторая маты...

Разве не высшее счастье услышать такие слова?

Среди тех, кто впервые открыл букварь у меня на глазах, есть сейчас и научные работники, и известные артисты, писатели, конструкторы, и офицеры Советской Армии, и руководители предприятий. Но не в этом дело, и не только этими бывшими учениками я горжусь. Ведь большинство моих воспитанников — обычные радостные труженики. И я ставлю каждый раз

узнаю, что они честно работают там, где свое нужнее их способности и силы. Мне часто доводится встречаться с бывшими учениками. Многие из них, приходя в родительские собрания, вновь садятся на парты, за которыми сидели двадцать-тридцать лет назад и за которыми теперь сидят их дети. А мне они, растопки, по-прежнему кажутся моими учениками, а в их ребячатах я узнаю свою молодость.

И когда мне спешивают, счастлива ли я, то, не задумываясь, говорю: — Очень, бесконечно! И только одного хочется: открыть перед внуками моих первых учеников страницы буквара, как окно в новый для малышей мир невыдуманных чудес.

Счастье, по моему, рождается из сознания, что твоя труд, сколько бы он ни был скромным и незаметным, оставил след на этой земле, в душах людей, в сердце родного народа. И тот, кто чувствует себя садовником в жизни, а не мотыльком, порхающим с цветка на цветок, лишь тот по-настоящему счастлив.

Вечно живая

ИСТИНА

М. ЗЛАТОВЕРОВ,
член КПСС с 1917 года

Старая эта истина — понятие о счастье — растет вместе с человеком, со временем. И если духовно человек с годами становится выше, то и счастье требует более значительное. И каким бы неприступным ни казалось это новое счастье, он берет его с бою.

Мой дед, знаменитый Севастополь от отечественных и гражданских войн, любил говаривать: «Счастье, браток, всегда впереди, за брствуром, а не в тылу».

Я плохо помню старца, но его любимое выражение, сохранившееся в семейных преданиях, глубоко запало мне в душу. Это и было то не совсем еще понятное, но заманчивое счастье, о котором тогда впервые начал мечтать. Мальчишкой я зачитывался «Севастопольскими рассказами» и, как мне казалось, то и дело узнавал деда в героях произведений Льва Толстого. Но вскоре в мое сердце вошли живые, реальные герои: суровые, мужественные люди с талыми, натруженными руками.

Это были бойцы-подпольщики. Они часто приходили к нам в дом. Конечно, не сразу смогу уловить смысл их речей. Но едва передо мной начали вырисовываться величественные цели их борьбы, мне страстно захотелось помогать им, быть похожим на них.

Вместе с товарищами по реальному училищу я организовал лижурок. Для вида он назывался литературным, а на деле — ячейкой, где мы изучали негальные марксистские брошюры. Мы позолоту обсуждали прочитанное, произносили горючие речи и чувствовали себя чуть ли не героями. Но настоящая борьба началась гораздо позднее.

В годы первой мировой войны я прочно связал свою жизнь с делом партии. Подпольный большевистский комитет 203-го полка поручил мне наряду с другими товарищами готовить оружие для военной революционной организации и распространять листовки среди солдат. Это была высокая честь — нести в массе пламенное ленинское слово.

В дни Октября, сражаясь на улицах Москвы, я познал радость борьбы за революцию, за счастье асенарода. Меня, как фронтовика, тогда назначили начальником штаба Красной Пресни. В первых революционных боях мы учились ленинской беспощадности к врагам, ленинской густоте победоношью ко всему, что полезно и дорого. Помнится, в самый разгар сражения на Садовой к нам приполз под огнем конювер связной из конспиративного штаба. Он принес приказ — обеспечить безопасность великого русского артиста Федора Шаляпина, проживавшего в районе военных действий.

Потом мне поручили сформировать интернациональный полк. Со всех районов Москвы на Пресню потянулись китайцы и поляки, чехи и венгры, словаки и сербы, чтобы вместе с русскими братьями

сражаться за свободу и независимость молодой Советской республики.

Отличные годы — 1918, 1919-й. Суровая школа неслыханных побед и временных отступлений. Бои с полчищами Краснова, Деникина, Врангеля, Колчака. Сколько мотал друзей-однопольчан. Осталось позавид, но никакие потери и лишения не подорвали в нас веры в конечную победу!

Когда в большой части Советской России уже налаживалась мирная жизнь, для меня все еще продолжалась война в таежной Сибири. Здесь мы добивали остатки белогвардейского ополчения и интервентов. Это был последний фронт гражданской войны, но не последний в моей жизни...

В мирное время партия послала меня на разные участки восточной стройки. Я познал счастье трудовых побед. Не переставая словами того, что испытывали мы, вчерашние солдаты, глядя на дело своих рук, — первые советские корабли, уходящие в большое плавание, или на ажурные конструкции новых мостов, построенных через стремительные реки.

С первых дней Великой Отечественной войны я находился на фронте, командовал отдельным инженерным батальоном. Воевать кончилось в Германии. Между прочим, когда мы стояли еще под Варшавой, я узнал, что неподалеку от нашего участка сражается прославленный аэно-антифашист генерал Войска Польского Карл Саверчевский. И, конечно,

порадовался успехам бывшего рядового, а затем командира чешско-китайского батальона 21-го интернационального полка. Мы снова оказались в общем строю, на одном фронте.

Когда белое вспоминаешь, прошедное, тоды летят, как секунды. А ведь каждый год открывал новые дали, приближал их и оставлял позади... После победы я снова вернулся к своей довоенной работе. Жизнь путника-строителя нелегка, похотная. Но даже самый суровый человек не может остаться равнодушным, когда по неодоленному им мосту проходит первый состав с лесом для великих строев или вышел с юными добровольцами-новоселами, едущими осваивать далекие окраины родной земли.

Да, счастье бывает разное. Но по-настоящему может быть счастливым только тот, кто всего себя отдает служению народу, неодоленному женской партии на построение коммунизма. Это вечно живая истина. Счастья может быть только то, что осуществление наших величайших планов ставит выше тaylorовского меркантильного учета.

Счастливы только те, кто после рабочего дня, расслапив окояно, встречаются сумеркам, может сказать себе: в этой тишине над родными просторами, в немолочном гуле новостроек, в бесконечных веренищах огня, бегущих по земле, воде и летящих в небе под крыльями воздушных кораблей, есть и твоя кровь, твой пот и частица твоего, никогда не успокаивающегося на достигнутом сердца.

ли, что это просто невозможно. Но я не могу отказаться своего счастья — без осуществления давнишней мечты. Решил бороться до последнего. Я рассуждал так: слепой, скованный недугом Николай Островский сочинил чудесные книги, летчик Алексей Маресьев, лишившись ног, не покинул самолет, продолжал жестоко мстить врагу. Почему же я должен отступать перед трудностями?

Прежде всего я стал учиться писать. Буквы выходили корявыми, большими, уродливыми. Став писать поговому, держа карандаш зубами. С карандаша постепенно перекочили на кисть, делая маслом несколько reproductions с картин великих русских художников.

Нельзя, не меся, а целые годы была непрестанная борьба за свое место в жизни, за свое счастье.

И вот в 1956 году сбылась давняя мечта — я написал первую большую картину. Она посвящена моим друзьям, охотникам-любителям. Картина экспонировалась на передвижной выставке художников «Удмуртской Республики» и была положительно оценена областной печатью. Стоит ли говорить, какое счастье доставило мне сознание того, что я снова в строю! С новым напряжением включился в работу. Сейчас пишу картину о героизме русских солдат в годы Великой Отечественной войны.

Я обрел счастье и свое счастье. Оно рождено в битве с недугом, в результате долгой и, казалось, непреодолимой борьбы с трудностями, самоотверженной работы во имя мечты. От этого оно ценнее, дороже и надежнее для меня, потому что я так понимаю: без борьбы нет счастья.

Это не волшебная жар-птица

Н. ТОМСКИЙ,
народный художник РСФСР

Мне хочется вспомнить чудесную андерсеновскую сказку о всемогущем короле, который обладал всем на свете, кроме счастья. Чтобы обрести его, нужно было надеть на себя рубашку счастливого человека. Долго во всем царстве искали такого человека, и когда наконец единственный счастливчик был найден, то выяснилось, что он настолько беден, что у него нет даже рубашки.

В форме блестящего парадокса Андерсен показал, что в мире, где рядом уживаются богатство и нищета, нет и не может быть подлинного счастья.

Алчный стяжатель из другой народной сказки мечтает разбогатеть. И вот счастье уже как будто касается его своим крылом: он находит огромный клочок. Но вместо того, чтобы взять столько золота, сколько он в состоянии унести, скупил силится поднять всего лишь, надравается и умирает, прижимая к груди уже не нужные ему сокровища.

Десятки мудрых народных сказок повествуют о том, к чему приводит погоня за маленьким личным счастьем, которое всегда оказывается таким крупным и непрочно.

Поздравляя своих товарищей, родных и близких с Новым годом, мы ждем от него счастья, большого, человеческого, которое в тяжелых муках и испытаниях родилось в нашей стране почти сотню лет назад.

Это новое счастье огромно, потому что оно принадлежит не избранным удачникам, а всему народу. Оно не ускользает из рук человека, как волшебная жар-птица, а прочно утверждается на земле.

Мы отлично знаем, что жизнь без труда, без возможности проявления своих способностей и знаний не может дать ощущения настоящего счастья. Наш советский человек особенно ценит свое счастье лишь тогда, когда видит счастье вокруг, когда он находит отклик своим личным переживаниям в коллективе.

Мое личное счастье, как скульптура, заключается именно в том, чтобы оказаться способным воплотить в ярких пластических образах радость свободного труда, радость преодоления трудности, смелого дерзания на благо народа, ощущение молодости, которое свойственно у нас не только молодежи, но и всем людям, увлеченным творческим трудом.

Темы, которые раскрывает перед нами жизнь, бесконечно разнообразны и многогранны. Это и радость материнства, не омраченного нуждой и страхом безработицы, и радость детства, зорко оберегаемого государством и обществом, и радость здоровья, красоты.

И сегодня, проносив традиционные слова приветствия «С Новым годом, с новым счастьем», я хочу поздравить нашу советскую молодежь с этим большим, действительно новым счастьем!

Найти свое место в общем строю

В. КУВШИНОВ,
художник

Однажды я случайно подслушал разговор двух женщин:

— Подумать только: обещают нег!

Речь шла обо мне. Помню, хотелось обернуться и сказать им что-то злое, колкое. С трудом сдержался. Но слово «несчастный» еще звенело в ушах, возмущало, обижало до глубины души. Да, мне, человеку, искалеченному войной, нелегко было найти свое место в общем строю. Но я не понимаю тех людей, которые

называют счастьем возможность жить беспечно, легкой жизнью. Настоящее счастье, по-моему, приходит к человеку через трудности, оно в борьбе.

Еще занимаясь в школе, я мечтал стать художником. Учителя, родственники, знакомые — все в один голос убеждали, что мое призвание — живопись. И я уверовал в это.

Вос карти спутала война. Как стать художником, если кисти уже ампутированы? Другая доказыва-

СЕРИЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПОЕЗД

Повесть

Рисунки Вовалли Сфорца.

(Продолжение. См. «Смену» № 1.)

В первых главах повести «Специальный поезд» читатели «Смены» встретились с итальянскими ребятами, которых сделала полусиротами. Это юные обитатели одного из неаполитанских переулков — Сальваторе, Альфонсо, Наскьяле, Джанко, Пеперуччо, маленькая Нуччинтина, мечтающие сыграть непонятно, десятилетний сирота Кампаньялло, влюбленный в море и ютившийся в намере одноголового старика — сальваторе Горацио.

В груди этих маленьких граждан Италии бьются горячие сердца патриотов своего города. Любопытные, находчивые, никогда не унывающие, они живут бедно, но весело и дружно. Они еще не знают, что Комитет помощи неаполитанским детям готовит для них сюрприз, что им предстоит интересное путешествие на север Италии, в город Модену. Новосте об этом приносят им голубчатая синьора Мария...

Глава пятая

Однимжды очень холодным утром, когда Кампаньялло ушел купить гвоздей, в мастерскую старика Горацио вошла блондура девушка.

— Здравствуйте! — сказала она. — Здравствуйте! — ответила Горацио, бросив взгляд на заказчицу. — Вам что угодно, тувельны починить?

— Нет. Я пришла поговорить с вами о Кампаньялло, — любезно ответила синьора.

— А-а, понимаю! Вы та синьора, которая раздавала подарки. Кампаньялло и Сальваторе ждут не дождутся вас... Помилуйте, садитесь! — И он Горацио пододвинул девушке скамеечку, на которой обычно сидел Кампаньялло. К сожалению, ничего более удобного предложить вам не могу!

Когда девушка села, она оказалась стариком Горацио совсем маленькой.

— Простите, сколько вам лет? — заинтересовался он.

— Двадцать пять. У меня есть уже трехлетняя дочь Анита. — И глаза синьоры засветились гордостью.

— Что вы говорите! Я дал бы вам не больше восемнадцати, а вы, оказывается, уже мама. Молодец, синьора! — Пожалуйста,зовите меня Мария, а я буду называть вас Горацио. Хорошо?

Он пристально посмотрел на нее. Казалось совершенно невероятным, что такая благородная, хорошо одетая синьора разрешала ему называть себя просто по имени.

— Я руковожу Комитетом, где Сальваторе и Кампаньялло были на новогодней елке. Мы помогаем бедным неаполитанским детям, — говорила Мария, и лицо ее хмурилось, и она уже не казалась девочкой. — В Северной Италии много захитченных семей, которые примут к себе на пять — шесть месяцев нуждающихся ребят из Неаполя. Дети будут посещать школу, и те люди, которые примут их, позаботятся о них, как о родных. Отец Сальваторе, с которым я уже разговаривала, согласен отправить своего сына. Соглашались и вы, Горацио. Это будет полезно для мальчишка.

Дон Горацио не отвечал. У него голова шла кругом. Он бессмысленно вертел в руках сапог Паскале. Старый сапог был до того изношен, что в нем даже гвозди не держались. Горацио думал о башмачках Кампаньялло: скоро их постигает та же участь. Нет, конечно, он не имеет права лишать мальчишка возможности пожить в достатке, отдохнуть, успокоиться. Единственно, чего не хотелось стариком, — это оставаться одному. Но если Кампаньялло захочет поехать, разумеется, он уступит его.

— Боюсь только, — рассуждал старик, — что когда он вернется, ему трудно будет опять привыкать к этой жизни.

— Об этом мы подумаем, — ответила Мария. — Комитет разрабатывает план постоянной помощи детям.

— Я великому доверяю вам, — сказал Горацио. — Как вы решите, так и будет.

— Спасибо! — воскликнула Мария, обремененная доверием. — Спасибо, Горацио! Вы хороший человек.

В этот момент вернулся Кампаньялло. Он узнал девушку, улыбнулся ей, но от неожиданности не мог промолвить ни слова.

— Добрый день, дорогой! — сказала Мария, поднимаясь ему навстречу. — Как ты поживаешь?

— Хорошо. — Мальчик протянул ей руку, и на пол посыпались гвозди.

Все трое бросились собирать их.

Мария рассказала Кампаньялло о цели своего приезда.

— А Сальваторе поедет? — спросил он.

— Вы оба поедете в Модену и будете жить рядом. Модена — прекрасный город, и я уверена, что он понравится вам.

— Но потом я вернусь к дону Горацио?

— Конечно.

— Ну, тогда отлично! Я еду! — И он тут же попросил разрешения навестить своих друзей.

Час спустя весь переулочек уже знал о том, что Сальваторе и Кампаньялло уезжают на Север. Ради такого события старик Горацио...

рацию запер свой «магазин» и отправился в «кабачок Джаноро». Там уже собралась матери Альфонсо, Джанко и Паскале. Поздоровавшись с Горацио, женщины стали упрямить его похлопотать перед синьорой из Комитета, чтобы их детей тоже отправили на Север.

Старик Горацио обещал. Обещал он и матери Нуччинтины, которая обратилась к нему. Что же ему оставалось делать?

На следующий день старик Горацио в сопровождении старших ребят (все они по этому случаю были умыты и причесаны) направился в Комитет помощи неаполитанским детям.

— Я должен переговорить с синьорой Марией, — заявил Горацио служителью.

Их провели в просторную, светлую комнату, где стоял большой письменный стол с двумя креслами, обтянутыми бархатом. Никто, конечно, не посмел сесть из боязни помять бархат. Вошла Мария. Все мальчишки улыбнулись ей, но с места не тронулись. Каждый боялся потерять возможность поспать в Модену. «Ведите себя прилично!» — столько раз твердили им матери. — Пожалуйста, ведите себя прилично. Ничего не трогайте. Если что-нибудь натворите, тогда вам не сдобровать!..»

Мария предложила стариком Горацио сесть в кресло. Мальчишки обступили его.

— Ну, мне асцо, — сказала Мария, усаживаясь за письменный стол. — Эти ребята тоже хотят ехать...

— Да, — уже снылае ответил Горацио. — Их матери просили меня поговорить с вами. Если возможно, пошлите их тоже в Модену. Они очень бедные люди, вы сами видите. — И он кивнул на ребят.

— Не знаю, смогу ли я отправить всех в один город, но все возможно сделаю.

Дети поняли, что ее обещание не было только обещанием, и с облегчением вздохнули.

Уже у двери Кампаньелло обернулся и спросил: «Синьора, а в Модену едут пароходы?»

— Нет, — ответила Мария, — поездов. Но вы увидите, что это тоже будет интересно.

Кампаньелло сказал, «нет уж, пароходом было бы куда интереснее!» — подул он.

Весь переулочек лихорадочно ахало до самого возвращающегося Старика Горацио с ребятами. Но когда они вернулись, о результатах похода можно было не спрашивать: выражение их лиц говорило обо всем.

На следующий день все матери отправились с детьми в Комитет. Там ребята зарегистрировали и установили медицинское наблюдение за ними. Если в течение 20 дней среди них не обнаружатся случаи болячек, то 30 января они выедут в Модену.

20 января ребята явились на осмотр. У кабинета доктора Синьори стояла длинная очередь. К очереди примкнули и наши шестеро друзей. Осмотр проходил медленно. Дети нервно ждали. Среди них оказались больные трахомой, и это сильно волновало матерей: их сказали, что трахома — заразная болезнь и таких детей посылают на Север немцы.

Старик Горацио не понимал, в чем дело, думал, что «трахома» — нечто такое, что обязательно надо иметь для отъезда в Модену, и хвастливо заявлял врачам:

— Доктор, а у меня есть трахома!

Казалось, что в этот зимний день все Неаполь бедняков явился в Комитет с надеждой спасти своих детей.

Наконец очередь дошла и до наших друзей. Все они оказались здоровы, но сильно истощены. Занят, 30 января они едут в Модену!

Глава шестая

Все дни до отъезда Кампаньелло помогал старику Горацио, а Сальваторе — своей матери. Даже Альфонсо так старательно искал случая чем-нибудь помочь дому, что отец перестал бить его.

Нунциатина послала Розе письмо и успела получить ответ, в котором сестра добряла все поездки в Модену.

Накануне отъезда всех ребят переулочка пригласила к себе Констанца. Она приготовила для них прекрасный завтрак: хлеб, масло и повидло.

— Вы будете писать мне! — спросила она на прощание.

— Но, донна Констанца, ведь вы не умеете читать, — напомнил ей Паскале.

— Неважно, мне прочитают на почте.

— В таком случае мы напишем! Но Констанца ребята отправились к Пеппино. Он находился на кухне и чистил картошку.

Но у самых дверей на ребят набросился хозяин.

— Вы мылаете кому работать, — заявил он. — Пошли вы, гуальонии!

— Мы только на одну минутку, — не отступал Альфонсо. — Зато мы уедем в Модену и придем попрощаться.

— Я сказал, нет, значит, нет! Он занят делом. — И дон Флорестано прогнал ребят.

Дети отшли от дверей Альфонсо заплакал. Ему очень хотелось проститься с другом.

— Давайте садим на ступеньки, — предложил Кампаньелло, — тогда, как нам увидится с Пеппино.

— Решено! Я вызову по телефону дону Флорестано, — предложил Дикамо. — Скажу, ну, скажу, что ему пришло письмо от сестры из Авиньонно и что он может получить его у швейцера на Виа Саваре, тридцать пять.

— И ты дурачини, он не согласен, что наша выдумка! — возразил Альфонсо.

— Мы попросим позвонить кому-нибудь из взрослых.

— Пойдем в кафе. Там в кассе сидит хорюшка немка. Может, она согласится позвонить. Пойдем, — сказал Дикамо.

— Синьорина, не откажете ли вы мне в любезности! — обратился он к девушке.

— Какой?

— Позвоните, пожалуйста, вот по этому телефону дону Флорестано и скажите, что на Виа Саваре, тридцать пять, у швейцера ему оставлено письмо. Папа послал мне позвонить, а я не умею.

— Хорошо, — ответила девушка и стала набирать номер.

Дон Флорестано попал на ушко, и как только мальчики заметили, что он вышел из гостиницы, побежали к Пеппино и рассказали ему о предстоящей поездке.

— Будь ты моложе, тоже поехал бы с нами. Но Комитет отправляет детей только до двенадцати лет.

— Что же делать, — печально ответил Пеппино. — Мне уже скоро четырнадцать!

Как ему хотелось сейчас стать маленьким!

Ребята начали толпиться, прощаться, так как стоявший на страже Дикамо объявил, что дон Флорестано появился в конце улицы и его сановный вид не предвещает ничего хорошего.

— Я обязательно напишу тебе, — пообещал Альфонсо.

В переулочке дети растались. Каждый пошел к себе домой. Наступил последний вечер, который они проведут в своих семьях.

Старик Горацио и Кампаньелло поужинали в кофейной, как это бывало только по праздникам. Окончив еду, Горацио спросил Кампаньелло, ты обещаешь вернуться ко мне?

— Конечно. Вы для меня, как родной отец.

Мальчик никогда прежде не говорил этих слов, и старик Горацио растерялся до слез. Вздрыгивая, они пришли домой.

Чемоданов у них не было, поэтому Горацио уложил вещи Кампаньелло в узел и перевазал веревкой.

— Пиджак я отдам тебе, Кампо. Ведь я никогда не поеду.

— Дон Орл! Вы с ума сошли! Это единственная вещь, которую я если вам захочется навестить родственников в Авиньонно, что вы наденете?

Оставь, пожалуйста! Лучшее, если его денешь ты.

Раздался стук в дверь. Пришла Анджелика. Она принесла пакетики со сладостями и рубашку своего сына, который служил в армии.

— Будь молодцом, Кампаньелло, — сказала она, вручая ему подарок. — Не делай глупостей! Помни, что ты неаполитанец!

Дети попрощались. Анджелика, Обществител и вы мне, что если дон Горацио заболел или с ним

что-нибудь случится, вы сразу же вызовите меня.

— Обещано тебе, мальчик! Она поцеловала Кампаньелло в лоб и, чтобы не раскраснеть, быстро вышла.

На следующее утро все в переулочке поднялось рано — и те, кто уезжал, и те, кто оставался.

Собрались на площади.

Нунциатина нарядилась в платье сестры, обматывающее на всех сторон. Сальваторе надел новый пиджак, который родители купили ему на последние деньги. Остальные дети были одеты по-прежнему, но все причисаны, унылы и напоминали бриллиан-

Глава седьмая

тином, распространившим удушливый запах.

Все эта группа бледных ребят в сопровождении еще более бледных и плохо одетых родителей двинулась по Виа Рома. У площади Триеста и Тренто они сели в трамвай, ничем не отличаясь от остальных ранних пассажиров.

На вокзале их встретили женщины под наветсом. Старик Горацио, заметив идущую по перрону Марию, двинулся ей навстречу.

— Мария, — пролепетал он дрожащим от волнения голосом. — Я полагаюсь на вас! — Он обернулся и указал на вагон.

— Будьте спокойны! Я провожу их до самой Модены. А когда вернусь, приду к вам и все расскажем.

— Спасибо, — ответил старик и вытер ручку слезы, которые текли по его щекам, смешиваясь с каплями дождя.

Дети толпились у окна; родители давали им последние настав-

ления. Старик Горацио привстал на носки и подал руку Кампаньелло, протянутую из окна.

— Кампо, советую тебе... прошу тебя... Кампо... — От волнения он не знал, что и говорить.

Когда поезд тронулся, голос Кампаньелло зазвенел над всеми другими голосами:

— Будь спокоен, папа! Я скоро вернусь. Крепись!

Окна закрыли. Головы детей исчезли. Перед оставшимися на перроне промелькнули надписи: «Специальный поезд», и вот уже последний вагон скрылся из вида.

И с этой минуты родители стали высчитывать детей, отдаляющие их от встречи с детьми.

Оказавшись в купе, Нунциатина вдруг разразилась плачем. Она заговорила вернуться к маме, но Паскале, сначала утешая ее, но девочка продолжала рыдать. Тогда Паскале замолчал и дал ей подзатыльник.

— Если не хотите ехать, надо было раньше думать об этом. Кончить ты рыдать или нет? Или я тебе так выплюну!

Вместо ответа Нунциатина бросилась на него. Схватив, Паскале убрал в соседнее купе.

Чтобы восстановить мир, пришлось вмешаться Марии.

Паскале вернулся, но из предосторожности сел поближе к Кампаньелло. Сохранив воинственную позу, он строил гримасы Нунциатине. Девочка отвернулась к окну. Тогда Паскале, продолжая корчить рожи, расположился так, чтобы его лицо отражалось в стекле. Нунциатина сначала не обращала внимания на это, но все-таки не выдержала и снова набросилась на Паскале. Тут уж должен был приложить свои усилия Кампаньелло, чтобы утешить их.

Через час в купе вошла синьорина и принесла в картонных стаканчиках горячий кофе с молоком и бисквиты.

Вскоре ребята привыкли и до-

рожной обстановке и даже познакомились с проводницей вагона, которая оказалась родом из Милана. Они беседовали с ней, хотя не могли понять даже половины из того, что она говорила, — так непохож был миланский язык на язык немецких бриццев.

Время от времени к ним заглядывал молодой человек мрачного вида. Внимательно огиная взглядом каждого пассажира, он морщился, качая головой и исчезал. У него было бледное лицо с глазами навывкате и красная фуражка с тремя золотыми галунами. Это был начальник поезда. Сеньорина сказала ребятам, что он запертый непослушный и отделивший вагон и отправляет обратно. Дети сразу же прозвали его Кальматоро, что означало — «Мертвая голова». Когда эта голова просматривалась, то непонятно становилось то, и довольный начальник поезда продолжал обход.

Обед проходил в полном порядке и согласии. Его подавали также в бумажных пакетиках. То, что не нравил к такому обильному питанию, уступали часть своей порции товарищам. Все, как один, утверждали, что в поезде кормят так, как в Неаполе кормили только по самым большим праздникам.

После того как ребята насытились, им захотелось порезвиться. Через каждые десять минут они просились в туалет, затем стали бегать по купе, наконец, затеяли ссору.

Сопровождавшие их женщины были бессильны успокоить ребят даже при помощи Кальматоро, который каждые два часа производил обход. Ребята находили сотни предлогов, чтобы только не сидеть на месте, и женщины бежали за ними по вагону, сами того не замечая, включались в какую-то непонятную и слишком шумливую для взрослых игру.

В конце концов только Марию удалось успокоить детей. Она организовала хоровое пение.

В седьмой миге эликсир сумерек через широкие поля несли длинный чудесный поезд, наполненный детьми. Это были хорошо, простые дети, уже понаедавшие много тяжелого в своей жизни. Их песня проплывала, словно облако, над вершинами деревьев, над телеграфными проводами, поднималась и стремительно коснулась звездкам, которые только что заглянули в небо.

Глава восьмая

В Модене с поезда сошли двадцать пять детей, вместе с ними вышла Мария. Кальматоро поехал дальше.

Накануне в городе выпал снег. Вдоль улиц высились большие грязные сугробы, а на крышах снег свисал белыми ниточками. — О-о-о! Снегирет! Вот тебе снег, так снег! — восклицали маленькие неополитаны, никогда в жизни не видевшие снега; они поспеивались от холода и кутались в свои легкие куртки.

У вокзала стоял грузовичок. Ребят отвезли в Комитет помощи неополитанским детям, где их уже ждали новые «родители».

В помещении Комитета было тепло. Детям сразу же дали по чайке горячего шоколада с печеньем. Прикоснувшись к своим «родителям».

Нунциатина обратила внимание

Паскале на красивую белокурую женщину:

— Смотри, какая она прелестная, наверное, киноактриса! Я хочу пойти к ней.

Паскале толкнул девочку локтем:

— Когда ты перестанешь бредить кино? Хочешь и здесь все испортить?

После второй чашки шоколада с фиگارмоний подошла девочка с темными локонами и огромным красивым взглядом в волосах. Она заиграла «Санта Лючия». В первое мгновение в зале, наполненном звуками фиگارмоний, воцарилась тишина, но в следующую минуту ребята дружно заплели.

Дети, у которых, казалось, жизнь теплилась только в блате запаших глаз, дети, рожденные бедностью, так много и так долго перестрадавшими, пели. Их песня звучала самой смелой и самой дерзновенной надеждой.

Первым из всей детской компании выбрали Сальваторе. Семья, которая пригласила его к себе, состояла из пяти человек: матери, отца и трех мальчиков.

Сеньора Клотильда — так звали новую маму Сальваторе — легко обняла его и повела к выходу.

— Одну минутку! — Сальваторе повернулся и подошел к Марии. — Скажите, пожалуйста, правда, что Кампаньелло будет в том же доме, где и я?

— Да, конечно, — ответила Мария.

— Тогда, пожалуйста, подождем немножко, — обратился мальчик к сеньоре Клотильде, — и пойдем вместе.

Сальваторе сказал это на своем диалекте. Сеньора ровным счетом ничего на понала, но, видя, что мальчик остановился, решила подождать.

Кампаньелло и Нунциатину пригласила к себе красивая блондинка. Дети были очень довольны этим, не скрывая радости, широко улыбаясь. Они узнали, что сеньорина, которая так понравилась им, — известная писательница.

Дикомо взяла к себе сеньора Веррилли, начальница школы и жена директора Финансового института; Паскале ушел с сеньором Марио Феррино — рабочим-специалистом; Алфонсо пошел к супругам Андреас — кондитерам.

Дети рассиделись, тепло прощаясь с Марией. Они просили ее навестить их родителей в Неаполе и передать им, что все в порядке.

Паскале перед уходом сказал: — Если у нас будет время, пожалуйста, зайди к моей сестричке. Она маленькая и лежит в постели: у нее больные ноги. Если вы сделаете это, я буду спокоен. И мальчик вручил Марии пакетик. — Скажи ей, что я не отпустил ее в вагоне. — Это для Пупетты. Передайте, пожалуйста!

В течение первой недели только Нунциатина, Сальваторе и Кампаньелло сидели друг с другом. Они жили в одном доме и ни на минуту не теряли друг друга из виду.

Уже на следующий день после того как ребята обменялись первыми новостями.

— Наша квартира из четырех комнат, — сообщил Сальваторе. — Ванна с холодной и горячей водой!.. Ах, как я купался!..

— А у нас еще больше комнат! Целых шесть! — перебила его Нунциатина. — Ванна из голубого кафеля и даже душ. У нас есть душ!

— Нет. Но зато у нас есть телефон!

— А ты думаешь, у нас нет телефона! Я уже научился отвечать. А ты? Я не знаю, а здесь надо, а когда спрашивают: «Алло, кто говорит?», отвечаю: «Извините, сеньор!», я ошиблась.

Потом они ходили друг к другу в гости. Каждый старался показывать перед другом удобствами и уютом своей квартиры, в которую унаследовал. По сути, все, чем хвастались дети, было самым обычным: блестящий кран, электрический кофеварник, выключатель, который одновременно зажигал все лампы комнаты, но все это вызвало неудержимое восхищение ребят.

Первые письма домой были полны рассказов об этих удивительных вещах.

— Эй, Кампо! Кампаньо! — раздались однажды после полудня громкий голоса Сальваторе.

— Чего тебе! — отозвался Нунциатина, выйдя на балкон. Волосы у девочки были тщательно причёсаны и перевязаны голубыми бантами. — Что ты так пугаешь, Сальва? Наша сеньорина пишет. Понимаешь ты или нет?

— Где Кампаньелло?

Сеньорина попросила его протереть очки в гостиной! Ах, как нравятся мне наша гостинная! Как красиво она убрана!

— Позови его, пожалуйста, на минутку.

— Какой ты недовольный, Сальва! — ответила Нунциатина, но все же пошла звать друга.

— В чем дело, Сальва? — спросил Кампаньелло, свисавший через решетку балкона. — Иди сюда, если хочешь поговорить со мной!

— Не могу. Ухожу с сеньорин Клотильдой. Я хотел сказать тебе, что получил письмо от мамы. Дон Горацио просил передать тебе привет.

— Погоди, я сейчас спущусь. Ты дашь мне письмо? Я попрошу Сальваторе, чтобы он прочла мне его.

Вскоре Кампаньелло был уже у сеньорины.

— Извините, но я принес письмо, которое прислала мама Сальваторе. Не будете ли вы так любезны...

— Ну, конечно, сейчас же прочту.

Мать Сальваторе писала, что, как и слывшаяся ондатой, его отпустили. Теперь он собирается заняться торговлей, но чем будет торговать, пока неизвестно. Дон Горацио передает привет Кампаньелло и просит писать почаще.

— Мы можем послать посылку дону Горацио и родным Нунциатина. Как ты на это смотришь?

Кампаньелло тут же помялся с этой новостью к Сальваторе: — Это отправляю посылку домой. Иди к маме!

— Кампо, я не могу... Сеньора

Клотильда ведет меня к портному, чтобы заказать мне новый костюм, — сообщил он, не в силах хранить свою тайну.

— А какого цвета! — полюбопытствовала Нунциатина.

— Я хочу что-нибудь потемнее. Чтобы годилось и для торжества.

— А что такое «торжество»? — спросил Тони Брантин — один из новых «братьев» Сальваторе.

— Вот модничан! До чего же они непонятливы! Торжество — это праздник!

— О-о! Для праздника у нас есть специальные костюмы, — сообщил мальчик.

— Наверное, пошитые по неополитанской моде! — справилась Нунциатина. — Ведь все новые модели идут из Неаполя. Неополитанки — самые знаменитые портницы.

Тони усмехнулся.

— Ты думаешь, она не знает? — поддержал подругу Кампаньелло. — Ну-ка ушли на минутку.

— Правда, то правда! А теперь мне надо идти. Мама велела уходить раньше.

— Какую זאתу? — не понял Тони.

— Как какую? Итальянскому! Разве ты учишь французский?

— Да. Мы в школе учим английский.

— Англичийки! Мамочки мои! Мы в Неополе натерпелись от англичан и от американцев! Они хотят командовать всеми нами! Так ведь, Сальва?

Мальчик не успевает ответить, его позвали. Но, отбегая от окна, он вскоре появился снова.

— О-о! Вы все ахнете, когда увидите меня в новом костюме! И чмокну кочечки своих пальчиков.

Портновская мастеровская, куда сестры Клотильда поехали, Сальваторе находилась в первом этаже нового дома. Над дверью висела красивая медная дощечка, витруны освещали неоновые трубки.

Портной осматривал мальчика с головы до пят, затем открыл шкаф и вынул несколько кусков материи.

— Материю вот эту серую фланель,— обратился он к сестре Клотильде,— Светло-серый цвет прекрасного тона— для мальчика лучшего не подобрать.

Сальваторе поздал газза.

— Вы так думаете? А знаете, что именно в такой цвет одеваются все монахи Неаполя? Нет, лично мне этот цвет не нравится. Може быть, он нравится сестре Клотильде, но я хочу выбрать материю по своему вкусу.

Сестра Клотильда синхронидально улыбулась.

— Мальчик прав. Лучше, если он выберет сам.

Портной пожал плечами, снова открыл шкаф и вынул еще несколько кусков материи.

— А вот тут куклу вынул, почему вы не достаете?— спросил мальчик.

— Дорогой мой, это же тайта.

— А что такое тайта?

— А вот тут куклы, куклы костюмов. Она очень хороша!

— А вы думаете, я ищущий? Если хотите знать, у моего отца три костюма из тайта, один лучше другого. И у моего дяди оставлено три таких костюма. Я не привез их сюда, потому что и так чужены были слишком тяжелые.

Сестра Клотильда представила себе на игровом столе Сальваторе таким, каким она его увидела в день приезда: с пакетом, завернутым в старую газету и перевязанным тесемкой.

— Минор Тревизиани,— сказала она,— если мальчик предпочтет эту ткань, оставимся на ней.

— Теперь вы понимаете, что я мучилась!

— Ростите, возмателите, портной,— имел в виду взрослого мужчину.

— Ладно,— сказала сестра.— Выпишите катанцию, как полагаю, и синиеру, и костюм. Синиеру, пожалуйста, потогорстите, я очень спешу.

Портной взял сантиметр и бюкноנית. Одевать ребенка в костюм взрослого портной считал делом и бессмысленно! Но свои соображения он предпочел оставить при себе. Уго слишком острый язык был у этого маленького заказчика!

На выбор фасона Сальваторе потратил добрые двадцать минут. Он никак не мог решить, какой ликид лучше: двубортный или двубортный. Наконец он сделал выбор на одностороннем, так как он придает изящество фигуре.

— Брюки мы, конечно, сделаем короткими!— ослепились заметить портной.

Сальваторе метнул взгляд на

сестру Клотильду. Нет! Это решительно оскорбляет его! И, обращаясь к портному, сказал:

— О чем вы думаете? Мне уже двадцать лет! Я давным-давно перестал носить короткие штанишки!

И опять сестра Клотильда вспомнила Сальваторе таким, каким увидел его в день приезда в длинной курточке и коротких штанишках.

— Конечно, мальчик в двенадцать лет должен носить длинные брюки.

Портной скорчил гримасу, но ничего не ответил.

— Пожалуйста, плечи сделайте пошире и плотнее пристегните лопатки!— Я не люблю, когда она отстает.

— Само собой разумеется.

— Благодарю,— и полный достоинства Сальваторе протянул руку сестре Тревизиани. Оценя благодарным взглядом. Когда вернулся в Неаполь, расскажу, что и в Модене есть неплохие портные.

Придя домой, он отправился к Кампаньелло и Нунцианте, чтобы рассказать им обо всем.

— А что мне оставалось делать?— заключил Сальваторе.— Если бы я не выбрал такой костюм, портной мог бы подумать, что в Неаполе живут одни бедняки, попрошайки. Зато теперь я уверен, что он считает нас настоящими синиерами.

Глава девятая

На следующий день синиеру Роберта сообщила Нунцианте и Кампаньелло, что она закончила главу повести и поведет их в кондитерскую пить шоколад. Это была как раз кондитерская супругов Андреас, которые взяли к себе Альфонсо.

Синиеру, вы позвоните пригласить Сальваторе!— робко спросил Кампаньелло.

— Почему же нет? Если синиеру Клотильда отпустит его, пожалуйста.

Нунцианте посылала к другу.

— Кампо!— воскликнула она, возвращаясь.— Ты только послушай, что плетет этот гулянин Брантин! Он уверяет, что у него дома есть кино!

Сальваторе и Тони охканливо затараторили от кино.

— Кино бывает только в театрах,— выслушав мальчишек, заключил Кампаньелло.— А что?

— А почему ты не веришь нам? Иди, я тебе покажу!— настаивал Тони.

Кампаньелло смутился. Должно быть, он сам видел где-то кино, иначе Тони не настаивал бы так! Однако Кампаньелло постарался принять такую позу, будто это сообщение вовсе не удивило его. Ноль же ронить прелесть неополитанца! Немного подумав, он заявил:

— Ну, что ж, я верю. А экран большой?

— Двадцат на двадцать,— ответил Тони.— А что?

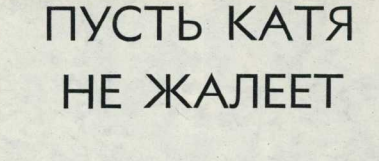
— Хал Уа с Сальваторе в Неаполе куда больше! Пятдесят на пятдесят!

— А мы сегодня вечером идем в кондитерскую,— вымещался Нунцианте, чтобы смягчить разговаривающих спор.— Нам поведает сама синиеру.

Синиеру сначала пойдя покупать мяч,— перебил ее Кампаньелло.

— А мне куклу,— добавила Нунцианте.

(Окончание следует)

ЧИТАТЕЛИ ОБСУЖДАЮТ СТАТЬЮ Н. ВОЛКОВА «КО ПРАВ»

ОН НЕ ДОСТИГНУЛ ТВОЕЙ ЛЮБВИ

Не секрет, что нам, девушкам, покуда нравится веселые молодые люди с приятной внешностью. Эти люди на первый взгляд нахулики очен, воспитанные, культурные ми. Про них иногда говорят, что они умеют себя вести.

Кеша Забавин был, видимо, одним из таких юнцов, и понаравился Катя. А когда человек привитс, то ему невольно хочется верить, хочется, чтобы он был таким, каким его представляешь,— честным, отзывчивым, добрым, прямым. Поэтому Катя, ослепленная своей любовью, не замечала дурных сторон поведения Кешы. И здесь совершенно правильно поступила Анна Сергеевна, которая предостерегла дочь от ошнок. Что было бы, если б Катя стала женой Забавина? Или она бы была бы превратиться в мецуну—бросить работу, бросить учебу, или ее жизнь стала бы сплошным мучением, так как Кеша наверняка продолжал бы тот же образ жизни. Катя должна знать, что если человек любит по-настоящему, то он не может, поговору мы взглянем на свои поступки и вернется. А если нет,—значит, он не достоин любви и уважения.

Г. ЗАМОДУЕНА, студентка вечернего отделения Московского библиотечного института имени В. М. Молотова.

ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

Катя могла не встретить Винентия, не буди она передовым человеком на заводе. Это поинито из признания Кешы при первом знакомстве. Дело, значит, в славе девушки, в том, что в городе не знают, о ней пишут в газетах. Это, видимо, и привлекло тысячаоного юнца, который не имел своего, который живет, не имея никаких благам, приобретаемых другими людьми. «Победа»—палатка, реглан куша на палатки, деньги, да еще и закуска, которыми угощают Кешу, наверняка были для него единственной радостью. Но, к сожалению, в таком состоянии, какой он изобразил Винентия, в силу каких-то пошлых соображений делает предложение девушке, дружкой, которой он нисколько не дорожит.

А. КУРЮКОВ, преподаватель училища механики сельского хозяйства г. Лебедя, Липецкой области.

Я ПОСТУПИЛА БЫ ТОЧНО

ТАК ЖЕ

Есть еще в нашем обществе Кешы-юваны, которые не имеют трудностей, когда собираются проехать в палатном автомобиле. Они гонимы, они пытаются всем чем угодно: честью, любовью, добротой.

Я сама имею двоих детей—сына и дочь. И в августе Анна Сергеевна Катю и поступила в точию так же, никогда бы не позволила своей дочери заключить брачный

союз с таким человеком, как Винентий Забавин. Здесь мне хочется неослышно слов сказать об ответственности родителей за судьбу детей. Мемонито, как смотрит на поведение сына отец Кешы. Он разрешает ему бездельничать, устраивать всевозможные заговорные прогулки. Ведь в том, что произошло между молодыми людьми, повинен и отец Забавина, вырвавшийся танго немичегого, беднякуго сего.

Е. ЛУКОВНИКОВА, воспитательница общешкольного-механического завода г. Тамбов.

СЕРЬЕЗНЕ ОТНОСИТЬСЯ К ЖИЗНИ

Катя не совсем серьезно отнеслась к дружбе с Винентием, за красивыми словами и жеманностями она не сумела (или не захотела) разглядеть его недостатки. Разве можно поведением человека судить о его нравственности? Разве не видишь ясно внутреннюю пустоту и неискренность Кешы? Вызывает удивление слова Катини и неискренности Кешы.

Неумелая Катя, неглубокая девушка, передвигаясь по жизни, так ослеплена любовью, что не видит как пуста Катя, не видит, что он не тот человек, о котором может дать ей счастье! Ведь если бы «ораносочетание» состоялось, то, уверен, самое большее через месяц молодые люди разошлись бы «ввиду несоответствия характера». Сколько таких браков бывает в жизни, и причина их, на наш взгляд, одна—несерьезное отношение к важному шагу в жизни.

Н. БУБЫРЬ, г. Москва.

БЕЗ ЛЮБВИ НЕ СЧАСТЬЕ

Очень обидно за отца Катю, который дал согласие на брак, считая, что она будет счастлива, и не знает, что она будет несчастна, что все забудет и станет чужим. Катя, не имея под воздействием чести и благородства любви не мог отменить от своих привычек, то и в семейной жизни он не изменится.

Николай В., которого я хорошо знал, был «популярным» среди девушек. Многим из них он мился в любви, а стараясь распространять свои знания, объясняя настоящие бытовые чувства, давая советы, давая гордиться перед товарищами. Но вот он решил жениться. Сделал предложение Тане, а она отказалась. Клара Ц., тоже не захотела стать его женой.

А вот Валя Н., видимо, надеясь воссоединиться в Николае своей любовью, настоящие бытовые чувства, давая согласие. Мать Вали вынесла этот шаг, да еще гордилась, что она была счастлива. А вот Валя Н., видимо, надеясь воссоединиться в Николае своей любовью, настоящие бытовые чувства, давая согласие. Мать Вали вынесла этот шаг, да еще гордилась, что она была счастлива.

П. СЕМЕНЧУК, студент пединститута г. Ровно.

Уральская зима.

фотоизд. Б. Ткаченко.

Михаил ЛЬВОВ

СТИХИ ОБ УРАЛЕ

Памятник юности

Как живешь, Комсомольская домна!
 Я к тебе на свиданье пришел.
 Я твое становление помню,
 Когда тут бушевал комсомол.
 Когда мы, за мгновеньем мгновенье,
 Дни и ночи труду и борьбе
 Отдавая свое вдохновение,
 Вдохновение зажгли и в тебе.
 Облепляли тебя мы, прорабы,
 Верхолазы — герои высот,
 Главарь «комсомольского штаба»,
 Молодой неотступный народ.

В твоём сердце мы пламя задули,
 Будто вдунули душу в металл;
 В эту душу — в глазок — заглянули,
 Там он искры и пламя метал.
 ...Ведь бывает же так: не с морями
 Юность связана наша порой,
 А с металлом —

с заводом, с цехами,

С рудниками,
 с магнитной горой...

Комсомольцы твои постарели,
 Только ты — это им не в укор —

Комсомолкою юной на деле
 Остаешься еще до сих пор!
 Верх твой пламенем вечным украсен;
 Ты на город глядишь с высоты,
 Непотерянной юности нашей
 Нестареющий памятник ты!

Красивей жить!..

Нет, жизнь еще не отшумела,
 Еще искрою не ушла,
 И можно лет на тридцать смело
 Еще планировать дела.
 Ни дня я в жизни не был мудрым,
 И часто жила в день одним,
 И только вдруг сегодня утром
 Себя почувствовал ниним;
 Как много прожито, я понял,
 Как мало сделано, постиг,
 Как я не тем порою полил
 И жизнь, и дни свои, и стих.

Жизнь переделать невозможно,
 И невозможно зачеркнуть
 Все то, что прожито тревожно,
 Все дни и пройденный весь путь,
 Но можно, можно, можно, можно
 Все вверх дном перевернуть,
 Поняв, что правильно, что ложно,
 И в душу истине взглянуть.
 Поняв, что жизнь не так ты начал —
 Ошибки смелые один, —
 Но можно дальше жить иначе
 Все оставшиеся дни,
 Но можно дальше жить красивой
 Все тридцать лет, а не минут,
 Да так, что снадут и спасибо
 И добрым словом помянут.
 И если вдруг иссякнут силы
 (Ведь семь десятков будет все ж),
 Тридцатилетним и красивым
 И много сделавшим умрешь.

Возвращение

Через четыре года пропадания
 Я снова здесь — сижу среди друзей,
 Приехавший к Уралу на свиданье,
 Как на свиданье с юностью своей.
 И никому, наверное, не видно —
 Глубоко это в сердце беругу, —
 Что мне нелепо и немилостиво стыдно,
 Ссмотреть в лицо Уралу не могу.
 Я чувствую и радость возвращенья,
 Но чувствую и острую вину
 В том, что когда-то, не прося прощенья,
 Уехал я в другую сторону.
 Уехал темной ночью, нелегально,
 В края другие, к берегам другим,
 Приняв решение неконфликтально,
 А лишь единовластием своим...
 Как будто я тогда бежал из цеха
 В контору, где спокойнее всего,
 Ушел теперь я от его успехов,
 Уйдя тогда от трудностей его.
 А сколько дел, и громких и неслыхных,
 Здесь без меня уже произошло!
 Мое участие было б в них не лишним,
 Да это ведь и мне бы помогло...
 Столкнувшись с горем, только зубы стисни,
 Как поле боя, не бросай свой край,
 Выдерживай на месте натиск жизни
 И, если надо, там и умирай.

Спорт

На лыжах и ледяной дорожке

Тамбовская команда «Буревестники», в составе которой выступают лыжники второго разряда, регулярно тренируется в окрестностях города. Скоро ей предстоит выступить на областных и городских соревнованиях.

Погода не балует спортсменов, но студенты педагогического института, которых вы видите на снимке, выходят на лыжню и в оттепель и в мороз.

Каждое воскресенье на стадионе «Спартак» собираются сильнейшие юные бегуны. На ледяной дорожке можно увидеть и студентов, и рабочих, и учащихся. Наш корреспондент запечатлел здесь участницу юношеского первенства СССР школьницу Светлану Павловскую.

Молодые борцы Осетии

В составе советской команды на XVI Олимпийских играх выступали три борца из Осетии. Это не случайно. Борьбой в горном крае увлекаются многие. Каждый год в городе Орджоникидзе проводится соревнования по этому виду спорта.

Недавно здесь закончились всесоюзные соревнования сильных борцов. Участники их еще не успели разъехаться, как в зале общества «Локомотив» состоялись состязания юношей города по вольной и классической борьбе. На ковер вышли сто сорок три молодых спортсмена. Лучшие всех в классической борьбе выступали юноши «Спартак», завоевавшие звание чемпионов города. В вольной борьбе сильнейшим оказался коллектив «Буревестника».

На снимке 1. Момент борьбы Малиева из «Буревестника» со спартаковцем Агузаровым. 2. Капитаны юношеских команд — победители по классической борьбе — на пьедестале почта.

Заводские баскетболисты

В декабре прошлого года в честь 50-летия баскетбола в России в спортивном зале Кировского завода состоялся однодневный турнир сильнейших баскетбольных команд производственных коллективов Ленинграда.

На снимке: встреча мусковских команд завода имени Ленина и Балтийского завода. Победителем спортсмены Балтийского завода.

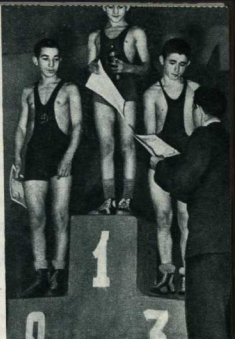

Юные фигуристы

На зеркала глады катка занимались фигуристы. За неторопливыми, плавными движениями следовали стремительные повороты и прыжки. Но вдруг зрители ошарашенно зашумели, заулыбались: на лед вышли дошпильники сессии фигурного катания ДСО «Юность Советов» (Москва).

У края катка за выступлением юных фигуристов внимательно наблюдал их тренер Виктор Иванович Рыжков. Два года назад он работал ведущим сессии Виктор ведет третий год. Маленькие спортсмены быстро усваивают искусство фигурного катания на льду.

Посмотрите, как уверенно Лена Бордюкова заканчивает «восьмерку»! После каждого занятия Виктор Рыжков собирает своих учеников и беседует с ними об успехах и недостатках.

Чемпион Баку

В Баку проведены состязания на лично-командное первенство Бакинско-городского комитета ДОСААФ по пулевой стрельбе. В соревнованиях приняло участие около

70 стрелков. Они стреляли из малокалиберной винтовки на 50 метров из трех положений: лежа, с колена и стоя. Звание чемпиона по стрельбе завоевала десятиклассник, комсомолец Р. Вартанов, набравший в трех положениях 539 очков.

На снимке: чемпион г. Баку по стрельбе Р. Вартанов.

Р. РОЗОВА

«Чтобы узнать человека, нужно вместе с ним пуд соли съест», — гласит народная поговорка. Но на целинной, степной земле люди узнают друг друга куда быстрее. Здесь так же, как в бою, воюю не надо быть тонким психологом, чтобы безошибочно определить, кто трус, а кто герой. Здесь нигде не спрячешь свой характер, свои дела, свои помыслы, потому что все ты, как на ладони.

...Мы плохо знали комсомолоку Валентину Ворслова в Риге. Поминать только, как на вопрос корреспондента республиканской газеты «Советская молодежь», для чего она едет в Казахстан, Вала бойко ответила:

— Хочу строить новые предприятия. Хочу жизнь посмотреть со всеми ее большими радостями и трудностями.

Но Ворслова солгала! Нет, за эти эхала она на Восток. У нее были совсем другие планы. Как бы горька правда, но пусть узнают о ней все, с кем Вала росла и работала в Риге.

По приезде в «Тургайломинстрой» девушки поселили в новых домах, где все дышало опрятностью и уютом.

— Совсем как в Риге, — говорили девушки, раскладывая вещи.

— Даже дня не дали в палате пожить! — с искренним сожалением воскликнула семнадцатилетняя строичка Арлитта Индиксон.

— Нашла о чем горевать! — зло заметила Вала Ворслова. — В палате пыльно — все платье перепахав!

А надо сказать, что платье у Вали было много: в горошек, в клеточку, в цветочках...

— Где ты их шила? — интересовались девушки.

— В Рижском доме моделей! — не без гордости отвечала Вала.

У большинства девушек было по одной — две пары туфель, а Вала привезла с собой целых пять. Все имела Вала, кроме самого необходимого — комбинезона, простой обуви, без чего нельзя обойтись на стройке.

Ты слышишь в Сочи на курорт приехали... шутили девушки, разглядывая пестрые Валины туалеты. Но вот наступил первый трудовой день на стройке. Девушки в комбинезонах и туго повязанных

косынках разошлись по рабочим местам: кто отправился рыть котлованы под фундамент, кто грузить автомашинным стройматериалом, а кто подавать раствор каменишками.

Каждый выбрал себе дело по душе. Комсомолка Арлитта Индиксон, в прошлом швея рижской артели «Садабриба», стала плотником; служащая почтматки Леонтина Скутала — сантехником; радистка Вера Степанова — коммандантом молодежного общества...

Только Вала не торопилась браться за работу. Ей здесь ничто не нравилось. Одна строительная специальность казалась ей грязной, другая — трудной.

Шли дни. То были очень трудные, суровые дни. Неудачно папило степное солнце, не хватало воды, с переборами доставлялись продукты питания. Но девушки не ныли. Нет!

Лицо у Арлитты Индиксон выветрилось, загорело, а руки, привывшие держать швейную иглу, покрылись мозолями. По вечерам, когда она, усталая, добиралась наконец до кровати, долго не удавалось уснуть. Малая стеклянная пыль шлавовети, которой Арлитта утешала дома, забившись в поры кожи, принимала нестер-

пимую боль. Девушка похудела, осунулась. Нет, нелегко давалась горючая эта «мужская» профессия!

Совсем иначе выглядела Валентина Ворслова. От безделья она еще больше расплывалась. Не только думая, но и ночью она где-то проводила время.

— Где это ты пропадешь? — спросили однажды девушки Вало.

— Разве вы не знаете, что я вышла замуж за Эрика Аукционюка?

— А ты с ним зарегистрировалась?

У Вали была своя мораль, свои взгляды на жизнь, и она бойко отвечала подругам:

— Регистрировать брак совершенно не обязательно! Мы с Эриком и так счастливы.

Но никто из девушек не верил в Валино счастье. Эрик так же, как и Вала, ничего не делал, целыми днями укрывался от зноя в палатке. На упреки и требования товарищей выйти на работу Вала и Эрик раздраженно отвечали:

— Отстаньте, у нас медовый месяц!

Пока не кончились деньги и запасы печенья и конфет, привезенные из Риги, молодой чете жилось довольно сносно. Но вот распрощавшись с последним рублем, и Вала начала распродавать свои вещи. Куда легче продать платье, купленное на папины деньги, чем зарабатывать себе на жизнь собственным трудом!

Когда у Вали ничего было продавать, Валентина Ворслова ставила заводные новые знакомства, переходя на изживание своих поклонников. Однжды Вала объявила девушкам:

— С Эриком мы не сошлись характером. Я выхожу замуж за другого...

Первый неприятный для Валентины разговор произошел в кабинете секретаря партийной организации. Валину немедленно не выйти на работу и постоянно вести себя в быту. «Иначе», — добавили секретарь, — придется отобрать комсомольскую путевку.

Но Вала Ворслова не обратила внимания на это предупреждение. Изыбавшаяся речетями, привыкшая бравировать тем, что она не простая смертная, а дочь знатного человека, Вала не признавала.

— Пусть только попробуют меня тронуть, я папе напишу! — ска-

зала Вала своим подружкам после разговора с секретарем партийной организации.

Горести и радости новоселов, их дела и заботы совершенно не интересовали Валентину. У нее были свои «дела», свой крошечный мясной мирок, который ничего общего не имел с тем большим и светлым миром, в каком жила дружная молодежная семья строич. Теперь Вала уже без стеснения заявляла всем, что приехала сюда только для того, чтобы выйти замуж.

Все ее подруги честно трудились, а Валентина Ворслова еще здесь вела паразитический образ жизни, все выигрывала и получала такую работу, от которой не отругали бы руки и не испортился цвет лица.

Но праздная, пустая жизнь, без забот и без добрых страстилий, никогда к хорошему не приводит.

Однжды до новоселов дошла страшная весть: на дороге, ведущей из поселка Аркалык в городок строичей, автомашинный шибк Коса Шанкель. Тихий, трудолюбивый парень, всеобщий любимец Коста Шанкель убит! Трудно было в это поверить. Начались поиски преступника.

В тот вечер новоселы горячо и страстно обсуждали случившееся. Юноши и девушки негодовали. Молчала лишь одна Вала. Она вернулась в общежитие, поужинала и легла спать. Да, она спойноно уснула. И ту ночь, а другое утро выяснились подробности преступления.

Костю Шанкеля сбита машина, которую управлял шофер «Тургайломинстрой» Евгений Бекетов. Рядом с ним в тот момент в кабине находились механик автобуса Юрий Афанасьев и Вала Ворслова. Затормозив машину, подождав, когда Юноши и их подруга подошли к месту случившегося. В этом убедилась Вала, пошутив пуск Юноши. Но вместо того, чтобы немедленно отвести Костю в больницу, Евгений и Юноша оторвали от дороги и уехали. Через полчаса они снова вернулись к этому месту, но не для того, чтобы помочь пострадавшему, а с единственной целью — замести следы, отвлечь от себя подозрение. На этот раз они доставили Костю в больницу поселка Аркалык. Однако уже было поздно: через несколько минут Костя Шанкель скончался.

Так было совершенно преступле-

Книжная полка

«ВАС ЖДЕТ ВЕЛИКИЙ КРАЙ»

В книжке Л. Почивалова и И. Шатуновского «Вас ждет великий край», выпущенной издательством «Молодая гвардия», рассказывается о богатых краях Сибири и Дальнего Востока, об их климате и землях, о людях и стройках, о том, как за годы Советской власти преобразились эти места.

От Бурятия до Якутии и до Полярного круга теперь колосится хлеб и цветут сады. Житнщце Дальнего Востока стала Амурская область. Богатые урожай хлебом собирают совхозы и колхозы Новосибирской, Курганской, Омской областей и Алтайского края.

На великих сибирских реках развернулось строительство гидростанций. Уже работает Усть-Каменогорская ГЭС на Иртыше. Строятся Иркутская, Братская, Красноярская, Новосибирская и другие мощные гидроэлектростанции.

Сибирь богата химическим

сырьем, цветными и редкими металлами, лесом и каменным углем. Книжка «Вас ждет великий край» поможет молодежи и девушкам, желающим поехать в Сибирь и на Дальний Восток, выбрать район и строительство, где они сумеют с наибольшей пользой приложить свои знания и способности.

«СЕМЕСТР В НОРВЕГИИ»

С каждым годом укрепляются дружеские связи между советской и зарубежной молодежью. Этому способствует и обмен студентами. Не так давно на Норвегия в Москву приезжал студент из Осло Хокон Хуе, который слушал лекции и посещал практические занятия в Московском университете. Из Москвы в Осло выезжал студент норвежского факультета МГУ Владимир Бабкин. В течение

семестра он занимался в Норвежском университете, повышая свои знания по государственному праву.

О своем пребывании в течение четырех месяцев за границей В. Бабкин рассказывает в книжке «Семестр в Норвегии». Он показал жизнь и быт студентов, систему обучения в высших учебных заведениях страны. Немало внимания в книжке уделено норвежским спортсменам, людям труда.

Уностранники много

ние. Евгений Бекетов и Юрий Афанасьев повисли должное название. Только Валентина Ворслова почему-то вышла сухой из воды...

Как могла она, комсомолка, так отнестись к тому, что произошло в ту ночь? Вместо того, чтобы забыть тревогу, поднять всех на ноги, она безмятежно улеглась спать. Нет, не в качестве свидетеля, а в качестве обвиняемой должна была фигурировать на суде Валентина Ворслова!

Во время судебного разбирательства она вела себя возмутительно, вызывая, очевидно, и на сей раз немалое, что ее вырывает палин авторитет. Ворслова не осуждена. Но значит ли это, что она не виновна? Виновна! И корни ее преступления кроются прежде всего в том, что она даже здесь, на переднем крае шестой пятилетки, где так весом и значителен каждый прожитый день, ухитрилась вести бесцельный и праздный образ жизни.

Нет, Валентина Ворслова не имела морального права на комсомольскую путевку! Все ее поведение, начиная с момента, когда комсомольский шшелон с добровольцами тронулся в далекий путь, и до того дня, когда началось следствие по делу об убийстве Кости Шенкала, говорит о том, что Ворслова приехала на стройку не работать, а развлекаться.

Весь трудовой стаж Ворсловой исчисляется несколькими днями. Четыре дня она работала нормирующей в отделе жилищного строительства и восемь дней бензоаппаратчицей на автобазе. Вот и весь ее послужный список на казахстанской ударной стройке, куда послал ее комсомол.

«Праздная жизнь не может быть чистой», — говорил великий русский писатель Антон Павлович Чехов. И это действительно так. Одинаковые комсомольские путевки были у Вали Ворсловой и у Арпиту Индришон. В одном городе жили они. И даже профессия была у них одинаковая.

Но какое разное у них отношение к жизни, к труду, к товарищам и — что самое главное — к своему долгу!

Комсомолка Арпита Индришон, преодолев первые трудности, стала знатым плотником на стройке. А Вала Ворслова, не сделав ничего полезного, покрывала свое имя позором. Да, нелегко будет читать эти строки Иосифу Юлиановичу Ворслову — отцу Вали. Но ведь большая доля вины доведена и на него и на мать Вали. Они ни в чем не отказывали дочери. Она делала все, что хотела. И вот результат!

А между тем перед Вали Ворсловой была открыта широкая дорога в светлый, радостный мир труда. Ее направляли на этот путь коммунисты и комсомольцы. Но Валу прельстило другое. Она искала на стройке не интересных, новых дел, а новых знакомств и дешевых приключений.

Есть у металлургов непреложное правило: прежде чем открыть ветку мартена и выпустить готовую сталь в ковш, надо снять шлак, чтобы он не загрязнил металл. Этим правилом руководствуется и комсомолка «тургай-аломинстроя». Они добиваются того, чтобы в их рядах не было шлака. Но как им поступить с такой, как Вала Ворслова!

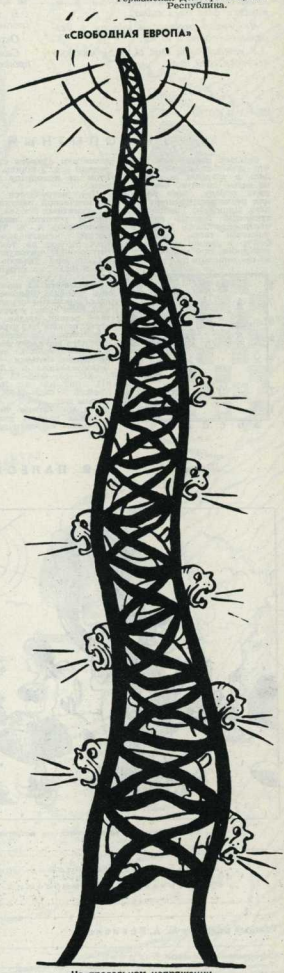
Бюрократ-спаситель.

— Сейчас не отойди от льва!
— Не бойтесь, я ему ничего плохого не сделаю!

Без слов.

На предельном напряжении.

МОНГОЛЬСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Большие птицы молчаливы, малая птица больше всех кричит.

По делам и почет.

Незнакомая дорога кажется опасной, неизвестный человек — сердитым, в незнакомом деле змея сидит.

Человек с оттохшими руками и бездельник — одно и то же.

У каждой горы свой скос, у каждого человека свой край.

Удача подобна течи смелого: она неоступливо следует за ним.

Велик океан, но и капля воды для него прибавка.

Не всякая птица с кривым носом — ора.

Одно обдуманное слово дороже тысячи лезвиевых фраз.

В тяжелые дни нужна твердость, в светлые дни — осторожность.

Около золота и латуни ярче блестит.

Самая легкая дорога — та, которую прошея.

ШАХМАТЫ

ЛЮБОПЫТНЫЙ СЛУЧАЙ

Казиский шахматист знает, что добиться победы, находясь в трудном положении, не менее почетно, чем одержать победу, имея равную или несколько худшую позицию. Одним из способов достижения ничьей является построение пата. Патом называется такое положение фигур и пешек на шахматной доске, при котором один из противников не имеет возможности

сделать свой очередной ход, а король его при этом не находится под шахом.

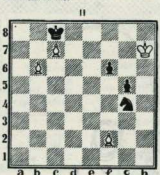
Пат встречается редко в практической партии, так и в шахматных этюдах. Выдающийся русский шахматный композитор А. А. Троицкий составил немало замечательных этюдов на тему пата. Интересно такую комбинацию ему удалось провезти в одной из игранных партий.

3 позиции на диаграммах черных. Положение белых, которыми играл Троицкий, явно хуже, у них не хватает пешки, ладья и, не имея короля под угрозой матовой атаки противника, тем не менее выглядят несомненно, найденная белыми.

Последовало: 1. ... Лб6—сб6; 2. Кб6—с3, Фб5—с3 3. Лс1—д1; 4. ... Фс7—а7 4. ... Лд1—а8; 5. ... Фс2—д1+П; Ф3:а1. Белым пат.

Мы предлагаем читателям решить эту задачу Троицкого на тему пата.

1. Белые — Крd2, Лd3, Са3, пп. b2 и e3. Черные — Крb5, На6, Кс5, пп. a2 и f4.

В обеих комбинациях белые начинают и делают ничью.

Мастер В. ЛЮБЛИНСКИЙ.

В ПАЛЕОЛИТ

Рисунок И. Оффенгендена.

— Предупреждаю тебя, дочка, не встречайся с ним: он стилига!.

Первая страница обложки: Игра в снежки. Фото А. Моклецова.

Четвертая страница обложки: Зима. Аппарель Н. Зинеева.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д-334-24.

Изд. № 107.

Завказ № 3500.

А 00210.

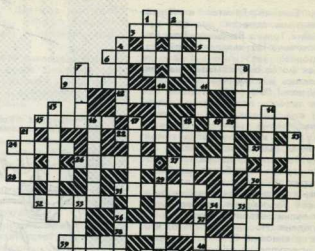
Формат бумаги 70х108см.

Подписано к печати 11/1 1957 г.

Тираж 300 000 экз.

1.75 бум. л.—4.8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил А. Носов

По горизонтали:

3. Представитель народа тюркской языковой группы. 6. Гора на Южном Урале. 9. Сборник географических карт. 11. Государство в Азии. 12. Пустыня на северо-востоке СССР. 13. Приток Бассея. 22. Столица автономной республики. 23. Залив Средиземного моря. 26. Сестры Сина новой Зеландии. 27. Пролив между Черным и Мраморным морями. 28. Вулкан в море Лаптевых. 30. Река на Кольском полуострове. 31. Страна в Африке. 32. Город в Казахстане. 34. Государство в Европе. 38. Город на реке Кубань. 39. Искусственное русло для воды. 40. Горы в Узбекистане. 41. Полуостров в Азии. 44. Река в Читинской области.

По вертикали:

1. Горная система в Сибири. 2. Город в Эстонской ССР. 4. Река на Кавказе. 5. Самое глубокое озеро в мире. 7. Река в Иране. 8. Чертеж земной поверхности. 10. Полуостров в Центральной Америке. 13. Пролив в южной части Канадского арктического архипелага. 14. Область в Испании. 16. Сибирский казак, открывший Ямчатку. 17. Остров в Тихом океане. 18. Союзная советская республика. 20. Крупный промышленный центр Узбекистана. 21. Столица европейского государства. 23. Русский полководец-путешественник. 29. Город в Аргентинской области. 33. Бодное пространство. 35. Река в Дагестане. 36. Центр иранского национального движения. 37. Потухший вулкан в Турции. 41. Столица государства в Азии. 42. Русский мореплавец, географ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 1

1. Дуга. 2. Уэльс. 3. Сена. 4. Дата. 5. Губа. 6. «Труд». 7. Сага. 8. Луна. 9. «Рель». 10. Дельта. 11. Араб. 12. Арат. 13. Барс. 14. Губу. 15. Река. 16. Село. 17. Пира. 18. Ватт. 19. Фаза. 20. Уэльс. 21. Анпа. 22. Ласт. 23. Патт. 24. Вега. 25. Эпик. 26. Парк. 27. Берн. 28. Рель. 29. Кинно. 30. Геси. 31. Кин. 32. Кран. 33. Тире. 34. Тимп. 35. Уран. 36. Рубо.

ЦВЕТЕТ МУШМУЛА

В парках, садах, на улицах Сочи цветет мушмула — вечнозеленое субтропическое плодородное дерево. В отличие от всех известных плодовых деревьев, растущих на юге нашей страны, мушмула зацветает не весной, а не под влиянием животворного тепла, а зимой, с наступлением первых похолоданий и заморозков.

Обычно это оригинальное дерево цветет в январе — феврале. Вальде — алина на Черноморском побережье пришла необыкновенно рано. Впервые за последние шестидесять лет снег выпал в первой половине ноября и сохранился настолько долго. Предвечернее холода вынудили раньше цветение мушмулы. Наивнесте холода фелло дружным, дружно и было цвело мушмулы. Многие животворные цветы густо облепили концы ветвей.

Мушмула цветет долго. Плоды ее созревают в самом начале лета. Они сочные, сладкие и довольно ароматные.

г. Сочи.

И. ЗАПЕВ

Редколлегия: Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, В. Кулекин, М. Лукин.

Технический редактор О. Швова.

Рисунок страницы: Е. Гурова.

Дятел

СЛОЖНАЯ СИТУАЦИЯ

Мама хвастает соседкам:
— Наш Коляка — очень развитой мальчишка. Сам газеты читает.

А вечером Коляка пристает к отцу:
— Пап, а пап! Мы тоже на Алтай поедем?

— Нет, Колянька, туда с маленькими детьми не пускают.

— Как же не пускают? Здесь написано: «С пятилетним сыном», — а мне уже шесть исполнилось.

Отец в замешательстве.

— Видишь ли, ты еще многого не понимаешь. Тут дело сложное...

Потом выходит на кухню и строго говорит жене:

— Сколько раз просил не давать ребенку газет! Как не понять, что он еще маленький и не умеет правильно воспринимать прочитанное.

Ф. КРИВИН

Рис. Е. Горохова.

Отец: Я из тебя вышибу перенит-ни капитализма!

Рис. А. Вязникова.
г. Свердловск.

Он весь в бумагах. От него
Не жди живого дела...
Как видно, он и без того
«Загружен» до предела!

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНКА

ЖЕНА (из кухни). Коля, помоги по-
редачить радио. Отстань! Я занят!
«Радиотрубка для женщины!»
И, КЫЧАКОВ

АКТУАЛЬНЕЙШИЙ ТРАКТАТ

Посвящается критичным и
исследователям, берущим
в качестве объекта для
специальных работ ми-
сские тени. А также
любителям раздвигать из-
мужи слова

Не ведая больших забот
среди квартирных стен,
рассказывают нам, живет

исследователь Н.
Он любит критикой журчать
предельно осторожной
и идеально изучать
явления всевозможные.
И как-то, лежа на боку,
увидел наш герой... блоху.

Подумав день, с чего начать
заране торжествуя,
стал он подробно изучать
блоху как таковую.

Он изучал, потя весь,
блосный стол недельный вес,
потом просто измерил вес,
а после вес удельный.
И, не жалея сил, чернил
и специтературы,
он колебания изучил
ее температуры.
Он описал без лишнего слов
ее водоксторию,

он тушью вычертил
прыжки блосных
трактаторию.
И, своему таланту рад,
за актуальнейший трактат
он сел без промедления:
«Чем хороша

для нас обычная блоха
и как влияет на слонов
ее пищеваренье...
А что же люди говорят
об этой чепухе?
Пусть свой ученейший трактат
читает он блохе!

Владимир КОВОВ

Цена номера
2 руб.

